

Андрей Бурцев
Кирилл Юрченко

“ЛЮДИ
В СЕРОМ”

НАВАЖДЕНИЕ

Люди в сером

Андрей Бурцев

Наваждение

«Автор»

«Автор»

2013

Бурцев А.

Наваждение / А. Бурцев — «Автор», «Автор», 2013 — (Люди в сером)

Мы не одни во Вселенной – в этом пришлось убедиться Георгию Волкову во время предыдущего опасного расследования. Он получает свое первое задание в новой роли. Теперь ему придется забыть свою прежнюю жизнь, свое прежнее имя. Отныне он – агент Вольфрам. Агент секретной службы, созданной под покровительством таинственных Смотрителей, самой загадочной и могущественной инопланетной расы. Но во Вселенной есть и множество других цивилизаций, преследующих свои цели в отношении землян. Чем им приглянулась наша планета? Что им нужно от нас? Они следят за людьми с древних времен – те, кого мы когда-то считали богами. Те, перед кем мы трепетали и кому поклонялись. Имя им – Легион...

© Бурцев А., 2013

© Автор, 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	6
Глава 1	14
Глава 2	22
Глава 3	28
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Андрей Бурцев, Кирилл Юрченко

Люди в сером 2: Наваждение

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Мы не утверждаем, что на самом деле все происходит именно так, в таком порядке и в тех местах. Но мы твердо знаем, что нечто подобное происходило и происходит на самом деле.

«Истина где-то рядом» – сказал Крис Картер.

«Это – часть истины» – говорим мы.

А насколько большая часть – судите сами.

Пролог

6 июня 1981 года. Сибирск.

Тетка была из тех, всюду-сующих-свой-нос гражданок, которых участковый Анатолий Ляшко держал на особом учете. Терпеть он их, естественно, не мог, как всяких сплетниц, однако ценил за неусыпную бдительность. Впрочем, их желание добиться аудиенции иногда переходило границы.

– Римма Захаровна, я же вам сказал. Сегодня не принимаю. У меня с завтрашнего дня отпуск. Надо еще кучу дел сделать.

– Анатолий Иванович, миленький, дай рассказать! – не унималась тетка.

На голове сидевшей перед ним Риммы Захаровны красовалось что-то напоминающее скрученное махровое полотенце, как после мытья головы. Одета пожилая женщина была в туго обтягивающий полное тело сарафан с кружевными оборками, из разреза которого напояз были выставлены голые покатые плечи. Еще бы добавить румянец на щеки и толстые золотые серьги – ни дать, ни взять, получилась бы кустодиевская «Купчиха за чаем». Конечно, постарше, чем на картине.

Ляшко присмотрелся в замысловатому головному убору тетки – это действительно было полотенце, и торчащие из под него волосы казались влажными, что говорило о деле неотложной важности, из-за которого она даже не успела привести себя в порядок и приперлась сюда, несмотря на то, что суббота.

Вздохнув, он отложил бумаги.

– Ладно, что у вас там стряслось?

– Не у меня. В двадцатой квартире, – наклонившись к нему, приглушенным голосом ответила Римма Захаровна.

– Там, кажется, профессор Леденев с семьей живет? – припоминая, нахмурился Ляшко. – И что с ними?

– А вот не знаю. Потому к вам и пришла. Вчера я сильный шум в их квартире слышала. А потом как будто звуки борьбы, и еще женские крики, и детский плач... – бойко докладывала тетка.

Ляшко усмехнулся про себя. Звуки борьбы, – скажет тоже.

– Я не постеснялась, конечно, сразу им позвонила. Никто не открыл. Ну, я настаивать не стала. Подумала, что застыдились. Это в час-то ночи трамтарарам устраивать! Хорошо, под нами магазин, сами никому не мешаем. Но Марковна с третьего этажа тоже слышала шум. А она как раз над ихней квартирой живет...

– Ну, а что вы от меня хотите? – нетерпеливо спросил Ляшко. – Один раз в приличной семье скандал устроили, так на них теперь милицию спускать?

– Да какой скандал, милый! Я же говорю – все очень странно. Ночью за стенкой я еще некоторое время слышала: «и-и-и, и-и-и. Сначала мне почудилось – будто крыса пищит, но слишком уж громко. Потом решила, это ноет кто-то. Я подумала, ребята забили, вот он и плачет. Еле уснула. А сегодня прямо с утра к ним снова пошла. И опять никто не открыл. Я подумала еще, если Леденев на работу мог убежать даже в субботу, то жена-то его дома сидит, не работает, а у сынишки их, первоклашки, каникулы на прошлой неделе начались. Уж они-то оба дома должны быть. А не открыли! И подозрительно тихо у них теперь. Вот я к вам и побежала сразу! Что там случилось – разобраться надо! Ведь хорошая семья. Жаль, если бдительность не проявим. Жили себе спокойно, очень приличные люди, даже собачку на днях сынишке завели. Какая-то жутко дорогая псина. По мне, так она таких денег не стоит, мелкая

больно и страшноватая, но сами знаете, чем бы дитя ни тешилось. Может, это она и пищала? Тоже ведь жалко животинку...

– Хорошо, Римма Захаровна! – Ляшко остановил тетку, готовую тянуть бесконечный рассказ. – Сегодня же я загляну к ним.

– Обещаете?! – обрадовалась она. – Вот и ладненько, у меня тут и заявленьице уже готово. В руке ее, будто по мановению волшебства, откуда-то появился листок.

– Какое заявление, я же сказал, зайду.

– Анатолий Иванович, а как же установленный порядок? Я вам сигнализирую...

Ляшко резко вскочил, напугав тетку, и чуть не опрокинул стол.

– Разве я когда-нибудь не выполнял своих обещаний?! – не выдержал он.

– Хорошо, хорошо, как скажете.

Римма Захаровна не без сожаленья забрала бумагу.

– А как братец-то ваш, Олежек, что-нибудь о нем известно? – спросила она уже в дверях.

Упоминание все о брате, который отправился служить в Афганистан и вскоре пропал там без вести (это была больная тема для Анатолия и всех родственников), показалось совершенно излишним. Ляшко поспешил выпроводить тетку из кабинета.

– Так зайдете? – не унималась она.

– Загляну, вечером непременно загляну!

Лишь бы не забыть, подумал он. А, впрочем, завтра все равно его в городе не будет. Утречком к тестю в деревню! Первые дни отпуска он давно мечтал провести на рыбалке.

Убедившись, что посетительница ушла, Анатолий встал в коридоре у окна, глядя на буйствующий молодой зеленью двор, и мечтательно представил, как уже завтра они с тестем и еще одним хорошим знакомым загрузятся в вездеход-«буханку» и поедут на озеро. В тамошних водах окурек на два килограмма – обычное дело. Это не какой-нибудь там недомерок, а самая настоящая рыбина. Если повезет, можно и щуку поймать.

Сладостные грезы Ляшко прервал голубь, неожиданно возникший перед окном. Он заставил Анатолия вздрогнуть и отступить. Птица захлопала крыльями, намереваясь усесться на карниз, но передумала и улетела. Качнув головой, Ляшко вздохнул. Стало так тихо, что он мог расслышать голоса из глубины коридора. Похоже, главный кому-то что-то выговаривает. Не желая лишний раз светиться перед начальством, Ляшко поспешил вернуться к себе. Впрочем, без ока старшего по званию все равно не обошлось. Дверь вскоре распахнулась, и в комнату вошел капитан Сухоногов.

– Молодым кадрам привет! Можно тебя поздравить с первым заслуженным отпуском? Пора, значит, на отдых?! Солнце, воздух и вода! А вот проставиться-то ты, Толик, забыл, и мы не доглядели... Ну, да ладно. Меня сейчас Смирнов напрягал, спрашивал, принял ли я у нашего отпускника участок. Так что я к тебе загляну попозже.

Сухоногов обвел взглядом кабинет, где, помимо рабочего места Ляшко располагались еще два пустующих стола.

– Ты сегодня один за всех?

– Да, – кивнул Ляшко, не склонный в данную минуту к разговорам.

Но Сухоногов не спешил уходить.

– Я тут в окошко старуху Бурносову заприметил. К тебе приходила? Опять чрезмерная бдительность?

– Да так, на соседей жалуется.

– Понятно, чем же ей еще заняться.

Сухоногов уселся на стол напротив. Развернул лежавшую на нем пустую папку и принялся играть скоросшивателем. Присутствие капитана немного напрягало Анатолия, но все же последний день, можно потерпеть.

– На профессора Леденева жалуется, представляете! – решил поделиться он.

– Леденев... Леденев, – задумался капитан. – Это тот, который в «генеральском» доме живет? Дважды лауреат Государственной премии? Везет же мужику, два раза банк снял. Подфартило!

– Чего ж сразу подфартило, – как будто обижаясь за жителя своего участка, возразил Ляшко. – Честно заслужил человек. Заработал.

– А ведь еще неизвестно, сколько тыщ он отхватил на секретных проектах. За них-то премии тайным порядком дают, – со знанием поведаль Сухоногов. – Так, говоришь, скандалит научная интеллигенция?

– Не знаю. Его соседка так говорит.

Капитан снисходительно посмотрел на него.

– Небось, клятвенно обещал ей на сигнал отреагировать?

Ляшко кивнул.

– Распустил ты их. Ну, хорошо, можешь не напрягаться. Я сам завтра туда схожу. Значит, «генеральский» дом. Девятнадцатая квартира.

– Это у нее. Профессор в двадцатой живет.

– Будь спок, разберемся! Не забывай, когда-то я сам по твоему участку топтался. А с тебя бутылка.

Капитан усмехнулся, заметив, как нахмурился Ляшко.

– Ладно, шучу. Но отпуск ты все-таки зажил... ..

Сухоногов оставил скоросшиватель и папку в покое, слез со стола и направился к выходу.

– Да, кстати, хотел спросить, – не дойдя до порога, он обернулся. – К тебе вчера визитеры приходили, это насчет брата твоего? Что, вести есть?

Второе, в точности такое же дежурное упоминание об Олеге вызвало у Анатолия Ляшко чуть не скрежет зубный. Он непременно послал бы Сухоногова куда подальше, будь они равны по званию.

Его так и подмывало ответить Сухоногову в издевательски-раболепном тоне: «Как только что-нибудь станет конкретно известно, вам, товарищ капитан, я сообщу об этом в первую очередь...»

– Пока ничего, – вместо этого смуро ответил Ляшко.

– М-да, не повезло парню. И чего он в этот Афганистан сунулся?

– Сунули, не спросили, – немного зло ответил Анатолий.

– Ладно, не обижайся. Все образуется.

Кислая мина Сухоногова быстро сменилась на привычное выражение благодушиности и беззаботства.

– Кстати, я тут с приятелем недавно встречался, – вспомнил капитан. – Он в командировку приезжал, сам в Ленинграде живет, в прокуратуре работает. Рассказывал жуткие истории про афганских крыс. Тебе рассказать? Не слыхал?

Ляшко посмотрел на него, как на безумца. Настроение было вконец испорчено. Ему уже не хотелось никакого отпуска и никакой рыбалки. Он и так старался лишний раз не думать о брате, который, скорее всего, погиб. Опять представил слезы матери, отлитый из печали взгляд отца, и стало так же тяжело на сердце, как в тот день, когда им прислали извещение. Только все начали привыкать к потере, а тут опять – какие-то вопросы, какие-то непонятные визитеры...

Анатолий мотнул головой, давая понять, что ему не интересен никакой рассказ, но Сухоногов деликатностью не отличался и понял его жест по-своему, как ответ на последний вопрос. Он вернулся обратно за стол и с воодушевлением начал рассказывать:

– Короче, у них там взяли шайку мерзавцев, которые под видом экзотических собачек продавали афганских крыс. Смертельно опасных, между прочим! Да не просто продавали, а нарочно семьи подбирали. Где в семью ученого подкинут, или деятеля культуры, даже одному министру перепала. И так все прокручивали, заразы, чтобы эти семьи меж собой знакомы не

были, чтобы никто ничего не заподозрил и не предупредил, понимаешь? А эти крысы, жуткие твари, я тебе скажу, им глотку перегрызть ничего не стоит! Ученые говорят, у них генная память на человечину, специально воспитанная. А как их поймали, эту банду – отдельная история! Короче, одна дамочка пришла провести родственника, а тот в кухне лежит на полу и кровища повсюду. Дома никого, одна только маленькая собачка по дому бегает. Поскольку дамочка эта уже спала и видела себя наследницей, она собачку-то эту в клетку – хват! – и срочно к ветеринару. Вдруг бешеная, а если вылечить, так хоть продать можно, уж больно порода редкостная! А ветеринар-то эту собачку увидел, глаза как выпучил: откуда у вас, говорит, эта бестия?! Таких, мол, только в специальных вивариях держат. Это же афганская крыса, в сто раз агрессивнее нашей росوماхи! Их кормят только мясом, а этих – как я говорил, специально на человечине взращивали!..

Ляшко не сдержался, усмехнулся.

– И вы во все это верите?

– Я тебе больше скажу, это пахнет форменной диверсией! – возмущенно выкатил глаза Сухоногов. – Видали: афганские крысы под видом домашних песиков! Собачки страшненькие, но, говорят, в них есть нечто такое, чем-то привлекающее, сами даже будто бы на таксу немного смахивают. Да и как от такой откажешься, если редчайшей породы, коль еще и деньги есть? Ну, вот скажи, какому работяге сдалась собака за пять месячных зарплат? А обеспеченные люди могут себе позволить! И ведь знали, сволочи, кому подселять. Не простым людям, а государственно важным, понимаешь? Вон, как академик твой. Леднев.

– Леднев, – поправил Ляшко. – Он профессор.

– Без разницы. Я-то тебе про диверсию толкую. Вот держит эту «собачку» человек – а она постоянно в полуголодном состоянии. Он-то не знает, что ее кормить надо раза в четыре больше, чем настоящую собаку. Она терпит, терпит. А потом у нее р-раз! Как переклинит! И готова хозяина слопать, лишь бы нажраться.

У Ляшко засвербило в голове – он вспомнил, как про собаку упоминала Бурносова. А еще – про шум, крики...

Он отчего-то поежился и тут же отряхнулся: да ну, какая ерунда!

Капитан Сухоногов наконец-то вспомнил о делах и поспешил к себе. Оставшись один, Анатолий подумал, что вечером все-таки придется сходить к Ледневым. Вовсе не из-за этого дурацкого рассказа. Просто Сухоногов никуда, разумеется, не пойдет, хоть даже и принял его участок на период отпуска. Больше треплется. Терять же лицо перед Риммой Захаровной Анатолию не хотелось вовсе. Надо выполнять свои обещания.

Вскоре в комнату заглянуло солнышко, и воробьи за распахнутой форточкой зачирикали воем. Сидеть в каменной клетке было невыносимо скучно и тошно.

«А чего откладывать. Да прямо сейчас пойду! Жена у Леднева не работает, скорее всего, дома сидит. Соседке не открыла, так я ведь – власть!»

Ляшко решительно собрался и быстро покинул кабинет.

Анатолий думал, что вечно бдящая Римма Захаровна в такой хороший день будет, как положено одиноко живущим старухам, торчать у подъезда, но лавочка под раскидистой акацией, только-только набравшей полную крону, оказалась пуста. И в окошко никто не выглядывал. Видимо ушла в магазин или в гости трепаться.

Рассматривая издали дом, Анатолий, как бы между прочим, вспомнил, что это четырехэтажное здание еще дореволюционной постройки когда-то проектировал его прадед, который и после революции оставался в городе известным архитектором. По рассказам деда, в первые годы здесь проживала и их семья, пока прадед сам не предложил новым властям свою огромную квартиру под уплотнение, а сам поселился в скромной постройке по соседству. А «генеральским» этот дом отчего-то называли в честь царского военачальника, некогда жив-

шего здесь. Название так прилепилось, что сохранилось до сих пор, несмотря на то, что самого генерала шлепнули еще в гражданскую, причем в подвале этого же дома. Так что прадеду, который тоже был отнюдь не пролетарского происхождения, повезло несравненно больше.

По другую сторону подъездной фрамуги Ляшко нашел взглядом окна квартиры Леденевых. Ему показалось, что в окне мелькнула голова женщины, а в другом еще чья-то, вроде мужская.

Анатолий в сомнениях остановился посреди двора.

Да ведь дело-то зряшное. Выдумала все старуха. Приличная семья. Еще засмеют, если сейчас заявиться к ним с расспросами.

Он сунул руки в карманы, собираясь развернуться на каблуках, чтобы пойти обратно. Но внезапно что-то снова мелькнуло в окне, заставив его всмотреться. Бурое пятно разлилось по стеклу, немного отсвечивающее красным, как будто кто-то заехал банкой с краской изнутри. Крупные потеки залили чуть не половину створки.

– Еще скажи, что это кровь, – произнес участковый себе под нос и опять поежился, как совсем недавно в кабинете, выслушивая бредни Сухоногова.

Он решительно направился к подъезду. Однако, войдя, задержался в проходе первого этажа, прислушиваясь к звукам. Когда-то в просторных апартаментах помимо генерала и архитектора обитали еще четыре семьи, всего – шесть. Теперь же – раз в пять больше. Но и то, иметь здесь квартиру считалось престижным: все-таки потолки в три с половиной метра, и метраж не чета современным панельным «скоростройкам». Дом вообще поражал размерами (четыре этажа – как все восемь) и особым звучанием своего пространства. Если крикнуть хорошенько, то эхо долго не умолкает – это Анатолий запомнил еще мальчишкой. Но, естественно, кричать он не стал. Задрал голову вверх, оглядывая колодец лестничного марша. Потом всмотрелся вниз, в черноту подвального этажа. Где-то там скрывались тайны, которые они с пытались раскрыть в детстве. Подвал, в котором скрывается призрак расстрелянного генерала. Катакомбы с нагробленными состояниями (генерал-то был ушлый), которых никто не мог найти.

Тоже, нашел время вспомнить! – подумал Анатолий.

Внезапно откуда-то снизу потянуло сквозняком. Он снова глянул вниз. Почудилось.

Этот дом с детства вселял в Ляшко страх. Особенно вечно черный подвал. Было в этом страхе что-то серьезное, подспудное, от чего не так просто избавиться, даже будучи взрослым.

– Перестань, – сказал он себе и тут же отругал за то, что говорит шепотом.

Через пустой лестничный пролет (за стенами был магазин) он поднялся на второй этаж. Здесь было две квартиры. Слева располагалась девятнадцатая, в которой жила бдительная тетка. Девятнадцатая состояла из трех огромных комнат, объединенных в одну квартиру, отданную в полное распоряжение заслуженного ученого. Вход в нее располагался прямо напротив лестницы.

Ляшко встал перед дверью квартиры профессора и нажал на кнопку звонка. Тот заверещал по-птичьи затухающей трелью. Никто не спешил открывать. Он позвонил снова.

Анатолий заметил вдруг, что щель у косяка со стороны замка слишком велика. Надавив пальцами, он толкнул дверь, и та открылась. Ляшко ступил в темный коридор и, постучав по косяку, громко спросил:

– Есть кто дома?

Не дождавшись ответа, он притворил за собой дверь. В квартире было чувствительно прохладно и очень тихо, если не считать приглушенных детских голосов, едва проникавших с задней стороны дома, где находилась игровая площадка.

Если здесь что-нибудь случилось, важно не затоптать следы, – подумал Ляшко.

Стараясь двигаться как можно ближе к стене, Анатолий направился в сторону кухни, на окне которой видел багровые потеки. Внезапно дунувший в затылок поток воздуха заставил его обернуться. Но дверь в подъезд оказалась закрыта, а в коридоре по-прежнему было пусто.

Пока он стоял и раздумывал над источником мощного сквозняка (воздух казался стылым, как из морозильника, и Анатолий непроизвольно содрогнулся), дунуло еще раз, но теперь с другой стороны и снова в затылок.

Ляшко испуганно метнул туда взгляд. И там никого. Никаких звуков или скрипов, и непонятно, откуда так несет. Продолжая двигаться в сторону кухни, он прошел мимо трех комнат и заглянул в каждую – никого. Добрел до конца коридора.

К его удивлению, стекло просторной и светлой кухни оказалось идеально чистым.

– Что за хрень?!

Не веря, что ему могло показаться, Ляшко подошел к окну и потрогал пальцами стекло. Затем устался на стол, который занимал место посреди кухни. В центре его возвышалась плетеная из лозы корзинка с нарезанным батоном, а вокруг нее расположились: сахарница, вазочка с вареньем, ложки и три кружки с чаем или кофе, над которыми развеялся парок. Словно кто-то накрыл только что на стол, собираясь завтракать. На миг Анатолию показалось, что все предметы расставлены странно – как будто бы в попытке создать чересчур идеальный порядок, включая некую симметрию.

Ляшко выглянул в коридор и снова вернулся на кухню. Включился и заурчал холодильник, заставив участкового вздрогнуть. Он снова почувствовал затылком движение воздуха и испытал неприятную дрожь. Она прокатилась по телу, вызвав легкую испарину.

Взгляд его скользил по периметру – от кухонного окна (форточка вроде бы закрыта) переместился на правую стену, нашел решетку отдушины (дыры казались не настолько большими, чтобы создавать сквозняк), затем проследовал по шкафчикам, раковине, корзинке со свежими огурцами и помидорами (неплохо живут товарищи), вернулся к столу, холодильнику, и в отражении хромированной ручки Ляшко неожиданно заметил движение.

Он резко обернулся и увидел перед собой невысокого лысоватого мужчину, одетого по домашнему, в трико и рубашку навыпуск.

– Профессор? – растерянно спросил Ляшко.

– Анатолий Иванович, здравствуйте! – скупое, без эмоций, произнес хозяин.

Ляшко был несколько удивлен тем, что профессор знает его по имени-отчеству.

– Здравствуй, – ответил он. – А я...

И не нашелся, что сказать, так ошарашен был внезапным появлением хозяина. Он был уверен, что в квартире только что никого не было. Хотя оставалось единственное место, куда он еще не заглядывал – ванная комната.

В следующее мгновение на порог кухни вошла супруга Леденева. Очень красивая женщина – высокая, с крепким телом, холеным аристократическим лицом и длинными светлыми волосами, заплетенными в крепкую тугую косу. На ней было однотонное красное платье, оттенок которого заставил Анатолия вспомнить о пятне на стекле. Поглядев туда через плечо, Ляшко убедился, что окно по-прежнему чистое.

Когда он снова обернулся на хозяев, рядом с ними уже стоял ребенок. Как он протиснулся в кухню, Анатолий не слышал. Мальчика он видел не раз – это был довольно шепотливый и веселый мальчишка. Сейчас же он казался таким же серьезным как его родители. Держа обеими руками перевернутую вверх ногами книжку, крепко прижимая ее к груди, он так же пристально, как родители, разглядывал участкового.

«Они что, прятались где-то?»

Вспомнив о причине своего прихода, Анатолий бегло осмотрел женщину и мальчика, пытаясь найти на их свободных от одежды участках тел какие-нибудь царапины или следы кровоподтеков, которые могли бы свидетельствовать о рукоприкладстве Леденева. Ничего такого он не заметил. У профессора тоже все было в порядке, хотя в таких случаях расцарапанные лица у мужей встречались довольно часто.

Он обратил внимание только на одну странность, которой не придал значения минуту назад. Женщина, ее муж, мальчик – все трое были с босыми ногами. Но, может, у них так принято в доме. Пол холодный – вот и закаляются люди.

Ляшко снова поежился. Здесь не только пол холодный. Как-то чересчур свежо. Даже странно. Будто из открытого ледника тянет.

– Извините за беспокойство, – наконец, произнес он. – Поступил сигнал. Я должен был отреагировать.

Он подумал, что следовало бы объяснить, откуда сигнал, и добавил:

– Ваша соседка, Римма Захаровна...

Анатолий не договорил. Его перебила Леденева. Так же однозвучно, как супруг, она произнесла: \

– Да, она заходила к нам только что.

Хозяйка улыбнулась. Ляшко показалось, что не так уж жизнерадостно, скорее механически. А следом за ней, по очереди, как по команде, изменились в лице муж и сын. Оба заулыбались, показывая чистые ровные зубы.

– Только что? – переспросил Ляшко. – Значит, она дома?

– Я не знаю, – монотонно ответила Леденева. Как и у мужа, все тело ее, и лицо, хранило неподвижность, даже губы почти не шевелились.

– Пожалуй, мне пора, – сказал он.

Шагнув к выходу, Ляшко тут же остановился. Никто из троих не собирался его пропускать.

Ляшко обескураженно уставился на них. Заминка длилась несколько секунд, прежде чем первым отреагировал Леденев. Он как-то странно посмотрел на супругу, затем на участкового, после чего сместился в сторону. Его жена и ребенок отступили в коридор.

Когда они втроем проделали эти шахматные движения, Ляшко быстро шагнул через порог кухни, заставив мальчика подвинуться еще. Он чуть подтолкнул ребенка, но почувствовал с его стороны неожиданное сопротивление, пришлось даже приложить силу, чтобы достаточно освободить себе проход.

Ему казалось, они специально решили поиздеваться над ним. Сначала спрятались в ванной или где-нибудь в шкафу, теперь комедию ломают. Да еще сынишку подговорили.

«Психи!...»

Впрочем, высказывать претензии Анатолий почему-то не решился, ему хотелось поскорее убраться из странной квартиры.

После светлой кухни в коридоре было мрачновато, и потому в пятне, устремившемся ему навстречу по темному полу, он не сразу распознал собаку. Вначале это пятно показалось большим чернеющим комком, похожим на обтекаемый, слегка поблескивающий сгусток чего-то живого и непонятного. Чуть позже Ляшко разглядел голову, лапы, хвост и облегченно вздохнул. В следующий момент снова испугался – что собака вдруг укусит его. Он всегда испытывал недоверие к хвостатым гавкающим созданиям и, в общем-то, недолюбливал их. Это чувство было взаимным.

Ляшко остановился и прижался к стене, ожидая, что будет дальше. Теперь он более четко видел животное. Да – собака, и несколько странная на вид. Как будто без шерсти, или она настолько короткая, что тело кажется вовсе лысым. Может, это и есть та безумно дорогая порода, про которую говорил Сухоногов? Вот только на таксу она совсем не похожа. Скорее на бультерьера – кажется, так называлась порода, о которых Ляшко читал только в справочниках, но в живую ни разу не видел. По всей стране Советов их, возможно, считанные единицы. Но в сравнении с этой страхолюдиной, даже похожий на крысу бультерьер, однажды увиденный на картинке собачьей энциклопедии, казался изысканным красавцем.

Глаза собаки немного светились в темноте. Она смотрела на Ляшко в упор, и участковый мог поклясться, что нутром чувствовал этот взгляд, его пронизывающую силу.

Он хотел крикнуть, чтобы хозяева придержали псину, но собака проковыляла мимо – к кухне, где остановилась. Вышедшие в коридор хозяева обступили ее. А она разлеглась у их босых ног, уверенно и настороженно посматривая на гостя.

– До свиданья, – сказал Ляшко.

Никто не произнес ни слова.

Прodelав несколько шагов к выходу, Анатолий опять ощутил затылком движение воздуха за спиной и услышал звук, похожий на дыхание, почти у самого уха. Здорово перетрухнув, он обернулся. Но никто из четверых, как оказалось, даже не сошел с места.

Открыв дверь, Ляшко вышел в подъезд и захлопнул за собой дверь. Услышав щелчок замка, он поспешил отойти от квартиры Леденевых не меньше чем на три шага.

В подъезде было очень тепло и светло. Радовали даже оставленные хулиганами жирные надписи на стенах. Ляшко уставился на дверь профессорской квартиры и снова судорожно поежился.

«Что за ерунда. Чего я так испугался?»

Не найдя объективных причин к такой реакции, Анатолий вспомнил о соседке Леденевых и позвонил в ее дверь. Он звонил долго, пока Римма Захаровна не открыла. В щель, оставленную цепочкой, едва видны были ее нос и один глаз.

– Все у них в порядке, у Леденевых, – произнес Ляшко, чувствуя, как ему тяжело говорить: в горле пересохло. – Все живы, никто никого не убил. Нечего панику разводить.

– А ты поздно пришел, дружок! – прошипела старуха. – Там уже все порешено за тебя! И твоего брата я видела. Он здесь был. Страшный, как смерть! И призрак генерала с ним! И Гога с Магогой!..

Старуха внезапно заткнулась, надув щеки, будто воды в рот набрала и просипела, прижав дрожащий палец к губам: тс-с-с!

Ляшко хотел накричать на нее, но тут же передумал, поняв, что старуха тронулась умом со своими вечными подглядываниями за соседями, оттого и несет бред. Он рассерженно махнул рукой и начал спускаться вниз.

Немного кружилась голова. Происшествие в квартире профессора по-прежнему казалось ему досадным и неприятным, но сейчас Анатолий готов был списать его на плохое самочувствие. Может, он банально простыл, и у него температура – еще не хватало заболеть перед отпуском.

Пройдя до середины двора, участковый остановился и посмотрел на дом. Нашел профессорское окно.

Сквозь чистое стекло три фигуры наблюдали за ним – отец, мать и сын Леденевы. Причем, голова мальчишки едва выглядывала над подоконником. И где-то там, с ними, была странная собака. Анатолий вдруг подумал, что и она, сидя на полу, тоже, наверное, смотрит в его сторону, как будто может видеть сквозь кирпич старых стен.

– Да идите вы на...! – резко выпалил он.

С напускной бодростью и насвистывая: «а нам все равно!..» он зашагал дальше, взяв с себя обещание думать только о завтрашней рыбалке, но вскоре не выдержал, вывернул голову через плечо.

Фигур в окне не было.

Глава 1

«Въ этой странѣ, менѣ другихъ изслѣдованной на всемъ материкѣ, лежитъ подножіе плоскогорій, на которомъ возвышаются громадныя вершины, превосходящія высоту даже вершины Пиренеевъ, а неподалеку къ западу открываются проходы, наиболѣе посѣщаемые во всѣ времена, между равнинами Туркестана и долиною Инда, благодаря чему Афганистанъ сталъ такъ важенъ въ военномъ отношеніи и еще болѣе того сталъ играть роль въ исторіи торговли и переселеній...

Хотя ни преданія, ни легенды не говорятъ ничего о переходахъ по горамъ въ древнія времена арійскихъ предковъ, но тѣмъ не менѣ близкое родство, почти тождество религій, обрядовъ, молитвъ и сходство языковъ и цивилизации на берегахъ «индійскаго Семирѣчья» – не допускаютъ сомнѣній въ томъ, что горныя проходы... были хорошо известны и утилизированы. Походы Александра, затѣмъ владѣнія греческихъ государствъ, простиравшихся отъ Бактріаны до покатоствъ снѣжныхъ горъ и, можетъ быть, до самаго сердца Индіи, сблизили вновь оба конца арійскаго міра черезъ проходы Гинду-Куша; затѣмъ буддистскіе миссіонеры... Монголы, Турки, Персы проложили эти дороги по азіатскимъ вершинамъ, а теперь Русскіе и Англичане, одни – расположившись лагеремъ въ равнинахъ Оксуса, а другіе – въ укрѣпленномъ полукругѣ, въ которомъ Пешаверъ занимаетъ центръ, – ожидаютъ, въ чемъ сильно убѣждены туземцы, сигнала штурма и сраженій».

Элизе Реклю. «Земля и люди». Всеобщая географія. (пер. с француз.), т. IX. 1887 г.

«До похода Александра-Великаго въ Индію, куда проникъ онъ черезъ Кабулистанъ, не имѣемъ мы объ этой странѣ почти никакихъ положительныхъ свѣдѣній; все что можно сказать о судьбахъ ея до этой эпохи основывается на соображеніяхъ и догадкахъ... Верить Парсійскимъ преданіямъ, такъ о Кабулистанѣ упоминается еще въ Авестѣ, подъ именемъ Ваэкерета, седьмой страны созданной Ормуздомъ* но самъ послѣдній переводчикъ Авесты, Шпигель, не придаетъ большой цѣны этому преданію, считая его скорѣе не за преданіе, а за догадку Гузварешскихъ переводчиковъ Авесты. Ваэкерета характеризуется въ этой последней какъ «Дужакошьянэмъ», что, по Шпигелю, можно переводить и «Жилище Дужака», и «Жилище Дужаковъ», принимая слово Дужакъ за собственное имя лица или народа... Далѣе, также Авеста языкомъ страны Ваэкерета считаетъ пайрика, злыхъ существъ женскаго рода, одаренныхъ, на соблазнъ людямъ, очаровательными прелестями...

Скаты и гребни горъ въ странѣ, видѣли мы, представляютъ повсемѣстно почти, остатки стѣнъ прежняго времени, обозначаемые теперь у туземцевъ общимъ названіемъ Кафиръ-Кала, «языческихъ замковъ», или «языческихъ городищъ», на томъ снованіи, что по мнѣнію ихъ, это были укрѣпленія древнихъ жителей страны».

Риттер К... Землеуѣдѣніе. Географія странъ Азіи, находящихся въ непосредственныхъ сношеніяхъ с Россіею. Кабулистанъ и Кафиристанъ. С-Петербургъ. 1867.

*Авеста – собрание священныхъ текстовъ зороастрийцевъ, старейшій памятникъ древнеиранской литературы; Ваэкерета – населенная «ежами», страна «злыхъ теней», земля лошадей (ведич., авест.); Ормузд (Аурамазда, Ахурамазда, Ахура Мазда, Ормазд) – верховное божество зороастрийскаго и ахеменидскаго пантеоновъ. Пайрика – предположительно, ведьмы (авест.), носители темныхъ силъ, созданные Ангра-Майнью (Анхра-Манью, Ахриман – олицетвореніе зла въ зороастризме) въ противовѣсъ деяніямъ Ахура Мазды.

Май 1981 г. Афганистан, провинція Герат, афгано-иранская граница.

К концу месяца после начала раскопок из-под слоев камней, песка и глины, нанесенных когда-то грязевыми потоками, стало возможно оценить размеры находки. Сооружение, тысячами скрывавшееся от людских глаз, было довольно внушительно в диаметре и, вероятно, его когда-то уничтожил сель. Значительно пострадала наружная стена, не устоявшая перед разбушевавшейся стихией, но все же она выполнила в незапамятные времена свою главную задачу – защищать место поклонения, возможно, храм или усыпальницу, спрятанную за мощными лабиринтами стен второго и третьего рядов. И хотя понятно было, что в центре древнего архитектурного комплекса, расположенного на дне чашеобразной низины, находится нечто важное, до этой ценной части еще нужно было докопаться.

Каждый день Глеба Нершина, захваченного в плен офицера Советской Армии, приводили сюда под дулами автоматов еще до восхода солнца, когда свет зари становился достаточным, чтобы приступить к труду. Впрочем, он нисколько не тяготился этой работой – напротив, она полностью занимала его сознание. Так и сегодня, рабочие, – нанятые чуть ли не за еду нищие крестьяне, заманенные на раскопки из окрестных мест, – совершив намаз, только кучковались у палаток, ожидая чужих повелений, а Нершин, удовлетворенный коротким сном, трудился в поте лица. Он увлеченно, и при этом очень бережно, извлекал грунт из-под пролета погребенной арки, на фронте которой виднелся полустертый веками и ни на что не похожий барельеф с фигурками животных и узорами затейливого орнамента.

В глубине этой арки располагался ход – куда он вел, нельзя было пока ничего сказать, но просунутая внутрь рука с определенностью ощущала движение прохладного воздуха. Возможно, где-то внутри всего лишь сходились пустоты, образованные естественным осадением грунта, в которых теперь гулял сквозняк, но Нершину не хотелось верить в такое простое объяснение. Именно здесь, как он полагал, и находился тот объект, который защищали когда-то стены.

По правде говоря, всякий раз, когда Нершин запускал руку в дыру, ему становилось не по себе. Животные на барельефе выглядели отнюдь не миролюбиво. Часть их изображены были в профиль, и строго парами – по левой и по правой стороне арки, словно глядя друг на друга. Ниже всех, где барельеф выглядывал из-под земли, видны были два существа, телом и головой похожих на павианов, но почему-то с грозно раскинутыми паучьими лапами. Чуть выше них красовались одутловатые шарообразные создания с глазами-щелями и пастями, полными острых зубов, у этих были едва выражены конечности, больше похожие на остро отточенные шипы. Еще выше можно увидеть странных большеголовых птиц без клювов, с крыльями и когтистыми лапами. Возможно, это были не птицы, но Нершину ничего другого на ум не приходило. И довершало видимую часть барельефа, располагаясь по центру его, только одно животное, на котором был сделан акцент. Создавалось впечатление, что оно приставлено наблюдать за всеми изображенными здесь тварями. Оно, безусловно, было главным в этом языческом пантеоне.

Его изображенное в профиль тело изящно и гибко, похоже на крысиное. Передние лапы с четырьмя выраженными пальцами, остро отточенными когтями и зачатками перепонки, толстый хвост недостаточно длинен для крысиного, но все же внушительный в сравнении с размерами существа. Голова же была вылеплена в фас. Древний скульптор сумел придать барельефу живость и угрожающие черты: морда собрана в морщинистые складки, обнажена пасть, достаточно клыкастая, чтобы понять – с этим существом шутки плохи. Уши по-собачьи прижаты к голове, как будто оно в любую секунду готово броситься на тебя. Глаза и морда в целом тоже больше похожи на собачьи. Но вот ноздри очень напоминали лошадиные, а на задних лапах отчетливо видны были копыта. Получался какой-то крысо-собако-кобель. Когда Нершин первый раз увидел его изображение, он вдруг вспомнил о легенде, согласно которой крыса когда-то была демоном, но Ганеша, индийский бог мудрости и богатства, обуздал его и сделал

своим конем. Может, в понимании ваятеля, это и был конь Ганеши – до того как стал ездовым животным?

Под существом можно было увидеть сплетение s-образных завитушек, в них Нершин определил хвосты других точно таких же существ, как будто сожранных тварью, которая установила свое господство.

Именно это создание отчего-то внушало Нершину необъяснимый страх, когда он просовывал в темное отверстие руку и, не смея долго выдержать, торопился убрать, как будто из угрожающей черноты его могло схватить то существо. И все же он не мог удержаться от соблазна вновь ощутить движение холодного воздуха. Оно говорило ему о скрытой где-то глубоко внутри тайне. А все эти языческие страхи следовало приструнить.

Немного замерзнув и устав от долгого сидения на корточках, Нершин только сейчас заметил, что солнце давно взошло. Он перебрался на освещенное место и поискал взглядом своего соглядатая – угрюмый пуштун надсмотрщик, скрестив ноги, сидел на самом краю котлована, облокотившись на деревянный ящик, и по обыкновению делал вид, что дремлет. Его руки почти нежно касались «калаша», лежавшего на коленях – одна ладонь на рукоятке, вторая – на крышке ствольной коробки, ствол, естественно, направлен вниз, на то место, где находился «шурави» Нершин, с некоторых пор сменивший свою форму на обычную афганскую одежду.

Давно привыкнув постоянно видеть черное дуло автомата, Нершин тоже взял ящик, приготовленный для находок, но пока пустой, и сел на него, вытянув ноги. Очень хотелось курить, но от американских сигарет его уже начинало воротить. Нершина спасла бы пачка «Беломора», а лучше несколько, да только о родных папиросах здесь можно было лишь мечтать. И все же он вынул из кармана начатую упаковку «Lucky Strike», выудил одну сигарету и по привычке дунул в нее, как всегда делал, чтобы выгнать из папиросы крошки неспрессованного табака. Грустно усмехнулся, поглядев на пористый фильтр, и, вздохнув, закурил.

Едва он сделал первую затяжку, на дне котлована показалась сутулая тень человека с тростью в руках, в профиле головы которого можно было разобрать бородку и обтекаемые очертания английского пробкового шлема. Тень двинулась к месту, где отдыхал Нершин, но он даже не обернулся, прекрасно зная, кто это.

– Good morning, Captain Nershin, – сказал человек. – As they say in Russia, he who rises early, to him God gives.

Воспользовавшись лестницей, он медленно спустился вниз. Повторил на чистом русском:

– Доброе утро, капитан. Кто рано встает, тому Бог подает. Англичане и американцы, правда, говорят иначе: ранняя птичка находит червячка. Но русская поговорка мне кажется лучше. Бог подает – это про нас с вами! Доброе утро, что же вы молчите?

– Доброе, – неласково пробурчал Нершин, глядя на застывшего перед ним пожилого человека.

У старика была седая клинообразная борода, которая вместе с пошлым и ослепительно белым шлемом и белой же рубашкой сильно оттеняла загорелое лицо. Кожа старика вообще любила солнце – редкий европеец мог бы похвастать таким ровным и сильным загаром. Даже ноги его (там, где их не прикрывали шорты) были цвета молочного шоколада. Нершин поежился – в отличие от легко одетого собеседника, ему и сейчас, когда он уселся на солнышке, было пока не жарко.

– Вижу, вы не в духе, – сказал человек и закивал. – Понимаю, понимаю. Напрасно, капитан.

Человека звали Эдвард Грэнвилл. Впрочем, теперь Нершин знал его другую, настоящую фамилию – Грановский. Евгений Владимирович Грановский. По редким, проскальзывающим в разговорах деталям, Нершин подозревал в нем даже не белоэмигранта, а того, кто сбежал из Советской России уже после гражданской войны, во второй половине двадцатых. Это обстоятельство служило основным звеном в том презрении, которое испытывал Нершин к собесед-

нику. Впрочем, открыто проявлять это презрение не позволяло нечто злое, присутствовавшее в облике Грановского. Еще бы старику взгляд побезумнее, и получился бы вылитый Иван Грозный, будто сошедший со знаменитого репинского полотна. Только, естественно, одеть по-другому, не в рубашку и шорты. И еще в одном не мог отказать Грановскому Нершин – в змеиной изворотливости и хитроумии, которые таились под черепной коробкой этого человека.

– Ничего, Глеб Александрович, – благодушно произнес Грэнвилл-Грановский. – Еще немного осталось. Как закончим, так и доставим вас прямиком в ближайшее место дислокации советских войск. Вернем, так сказать, в целостности и сохранности. Люди Абдулхамида только и ждут приказа.

Нершин посмотрел на соглядата с «калашниковым». Тот больше не делал вид, что дремлет. Его жгуче-черные глаза под густыми бровями, торчащими из-под шапки-пуштунки, были направлены вниз, на обоих чужеземцев. Нершин подозревал, что этот мрачный тип с одинаковым удовольствием всадил бы по пуле обоим «неверным», не разбирая меж ними, кто советский гражданин, а кто подданный Ее Величества.

– Ишь, смотрит, – не выдержал он. – Того и гляди, дырку просверлит.

Грановский обернулся.

– Обычное дело. Не забывайте, это Афганистан. Здесь иноземец может быть хозяином только того пятачка, на котором непосредственно сидит, да и то, если с оружием в руках. Жаль, что ваши правители не учли это обстоятельство. Это же пуштуны, вечные охранители. Они всех за врагов считают, и только себя – истинными хозяевами здешних земель. Их не заботит, что кроме них на это претендует масса других народов, и только одному Аллаху известно, у кого на то больше прав. Эти малообразованные бедняки живут в глинобитных халупах, а вместо стекол до сих пор натягивают на окна бычьи пузыри, и жутко недовольны тем, что их отстранили от власти национальные меньшинства. Вот увидите, они еще подведут под это идеологическую базу: радикальный ислам, средневековые порядки, мало не покажется. В любом случае, с вашими они не договорятся.

– С вашими в свое время тоже не договорились. Сколько раз вы с ними воевали? Три войны? Вдоволь наигрались.

– Эх, Глеб Александрович, я устал вам объяснять. Я не работаю на Запад. Ни на американцев, ни тем паче на англичан, к коим вы меня так неласково приписываете. Разве что временно сотрудничаю с теми и другими. И с французами тоже, и с немцами. А, между прочим, если хотите, я даже больше для России делаю, чем вы это можете себе вообразить. Впрочем, оставим этот идеологический спор. Как продвигаются наши дела?

– Еще один вход, – Нершин показал пальцем на черную щель.

– Какой уже? Восьмой? Опять ложный?

Нершин мотнул головой.

– Надеюсь, это тот, который вам нужен. Сквозит здорово – пустоты внутри. И с самого начала грунт уж больно легкий пошел, словно здесь кто-то копал до нас.

– В самом деле? – расширил глаза Грановский.

– Именно так.

Нершин хотел добавить, что, по его мнению, этот «кто-то» копал, по меньшей мере, полвека назад. Это сходилось с тем временным промежутком, который установил Грановский. Ведь откуда-то же взялся у старика потрепанный блокнот, с порыжелыми от времени листками, кучей записей и рисунков, подсказывающих дорогу к этому месту. Нершину несколько раз доводилось листать блокнот под ревностным наблюдением Грановского. Нигде ни одной даты – только номера дней. От первого до сорокового, причем последняя запись была сделана в явном бреде – в отличие от основного текста почерк был дрожащим, набор слов порой бессмысленным, и регулярно проскальзывала старая орфография, с ятями и ерами. Гранов-

ский утверждал, что человек, ведший дневник, был членом экспедиции Вавилова-Букинича, посетившей Афганистан в 1924 году. Если Николаю Вавилу нужны были образцы растений, чтобы доказать свою теорию о том, что здесь находится центр происхождения некоторых важнейших сельскохозяйственных культур, то Букинич Дмитрий Демьянович, инженер-ирригатор и археолог, не мог не интересоваться древностями, и наверняка с ним были люди, которых занимал поиск следов этих древностей. Но Нершин подозревал, что Грановский говорит так для отвода глаз, намеренно умалчивая об истинной дате документа и его происхождении. Ведь, насколько он был в курсе, была и другая экспедиция, двумя годами позже, которую проводил сам Букинич. Отчего же Грановский не отнес дневник к ней?

Нет, думал Нершин, – автор дневника, судя по всему, сам был руководителем нигде, ни в каких архивах не зарегистрированной группы, которая посетила Афганистан примерно в те же годы. В записях почти не было имен, и человек, ведший его, гораздо чаще употреблял местоимение «я», чем «мы». Он вполне мог скончаться от какой-нибудь лихорадки, а перед смертью, будучи в бреду, писать по-старому, как его учили еще до революции.

Голос Грановского вернул Нершина в действительность.

– Да, разница совершенно очевидна, – говорил старик, разминая грунт в руках, пробуя на твердость. – А вы молодец, славно потрудились.

– Все это, по меньшей мере, странно, – в этот раз Нершин с охотой вступил в разговор. – Я не понимаю ничего. Я допускаю, что здесь побывал именно тот, кто составил вашу карту. Но как он мог найти это место с такой высокой точностью? Буквально до метра! И почему в дневнике ничего не сказано?

– Вероятно, не успел записать. А насчет точности... Возможно, здесь стоял какой-нибудь знак. Столб или другой ориентир. Даже полвека назад еще могли быть заметны его сгнившие остатки.

Нершин посмотрел на барельеф. Ему казалось, в нем есть какая-то подсказка, но он не мог уцепиться за нее.

– Эти сплетенные хвосты, как будто и не хвосты... – перехватив его взгляд, Грановский показал тростью на барельеф. – Вам ничего не кажется странным?

Нершин уставился на жуткое мифическое существо, изображенное в невероятном правдоподобии. Сосредоточил взгляд на извивистых сплетениях.

– Они похожи на...

– Это же корни дерева! – опережая догадку Нершина, вдруг вскричал Грановский. – Оно будто вылезает из-под земли, это существо!

Пошарив вокруг взглядом, он нашел что-то, доказывающее это предположение, и ткнул пальцем, показывая, куда нужно смотреть.

Нершин хлопнул себя по лбу. Он теперь явственно увидел почти смешавшийся с грунтом едва заметный контур ствола огромного дерева, когда-то росшего рядом с аркой. Но что могло случиться с этим деревом – его будто выели изнутри, а потом эту полость заполнило грязью. Долго ли мог просуществовать такой ориентир? И все же он был когда-то.

– Невероятно, даже представить трудно, что здесь могли расти такие большие деревья, – сказал он.

– Не забывайте, века назад в этих местах шумели богатые сады. И если по замыслу скульптора, эти корни символизируют подземный мир, то не гости ли из ада здесь изображены? – рассмеялся Грановский. Он смеха его борода затряслась, и снова Нершину стало отчего-то жутко. Но в то же время ему все больше хотелось продолжить раскопки, чтобы развеять, наконец, свой непонятный страх.

Он дождался, пока Грановский успокоится.

– Нужно продолжать рыть. Зовите сюда рабочих.

– Увы, – ответил Грановский. – Я как раз пришел вам сказать, что они не желают больше работать. Опять эти глупые суеверия. Говорят, не хотят якшаться с теми, кто хочет освободить слуг Иблиса.

Нершин окинул котлован взглядом и заметил, что он совершенно пуст. Никто так и не приступил к работе. Только наверху видна была группа вооруженных людей Абдулхамида, по обыкновению державшая в оцеплении место раскопок. Да еще его, Нершина, личный согляда-тай, постоянно маячивший над головой.

– Ничего, не переживайте, – Грановский похлопал его по плечу. – Абдулхамид обещал все устроить. Скоро сюда пригонят солдат.

– Солдат?!

– Пленных русских. Have you forgotten? Вы что, забыли? Война идет, Глеб Александрович! Эта страна давно объята войной. Да вы садьте, отдохните пока. Может, их уже через часик привезут. Пять человек обещали.

Нершин устало опустился на ящик. Все это казалось ему невозможной абсурдностью. До сих пор он был единственным свидетелем своего позора, когда согласился работать на исторического врага, этого Грэнвилла-Грановского. Теперь же об этом узнают пленные солдаты. А вдруг среди них окажется кто-нибудь из его родной части, или, чем черт не шутит, из самого Сибирска. В любом случае, расспросы будут неизбежны: капитан, личный переводчик начальника штаба, как он здесь оказался, в зоне подконтрольной боевикам, да еще морду отъел на душманских харчах и при полном довольствии: этот проклятый басмач Абдулхамид не жалеет валюты, прямо меценат какой-то. Да, впрочем, какой там меценат – золото ему нужно, да побольше.

Нершин вдруг вспомнил 1978 год, когда весь мир облетела сенсация – советский профессор Виктор Сарианиди нашел в Афганистане несметные сокровища, сравнимые с находками Шлимана и Картера. Еще в конце шестидесятых в стране обнаружили богатые запасы нефти и газа, и советские специалисты помогали разведывать недра и строить газопровод. После того, как стали находить многочисленные черепки, относящиеся к культуре эпохи Греко-Бактрийского царства, естественным образом была создана советско-афганская археологическая экспедиция. И вот, в 1978-м профессор Сарианиди обнаружил древние захоронения, а с ними – груды золотых украшений, знаменитые «сокровища Бактрии». Нершин слышал байку о том, как работавший в тех же местах французский археолог Поль Бернар плакал с досады, узнав о такой неслыханной удаче. Не меньше плакали, должно быть, правоверные головорезы, ревностно наблюдавшие за раскопками и втайне мечтавшие заполучить сокровища в свои руки. Они ведь так и не позволили закончить раскопки, и кто знает, сколько драгоценных предметов оказалось в их жадных руках, совершенно равнодушных к какой-либо культуре. Вряд ли среди них был Абдулхамид, это было далеко отсюда, но сегодня и он жаждет урвать свой кусок. По сути, весь Афганистан и части среднеазиатских республик Советского Союза когда-то давно входили в состав сменявших друг друга богатейших империй древности. Если знать, где копать, можно столько сокровищ найти!.. Впрочем, здесь пока золота нет, и будет ли – в этом капитан Нершин уже сомневался. Не судьба.

Вообще, странная она штука – эта судьба. Он, Глеб Александрович Нершин, сорока лет от роду, без пяти минут кандидат исторических наук, подающий надежды лингвист и археолог, некогда прилежный семьянин и отец троих детей, плюс ко всему, кандидат в члены КПСС, вдруг добровольно решил оставить борьбу за ученые степени и согласился на предложение стать военным переводчиком. Правда, для этого пришлось окончить специальные курсы, но уже через год он сменил полученное еще во время учебы в университете звание лейтенанта запаса на старшего лейтенанта, а еще три месяца спустя, будучи уже в Афганистане, получил капитанские звездочки. А если бы не согласился – неужто погнали бы его в Афган силком? О чем он вообще тогда думал? Что называется, семейная жизнь заела – вот главная причина.

Устал от жены, детей. Слабак. Зато теперь моли бога, чтобы остаться живым, когда Абдулхамид вдруг решит замести следы.

Эта мысль не впервые приходила Нершину в голову, и никак он не мог к ней привыкнуть. И если до сих пор он благодарил судьбу, что свела его с Грановским, то теперь, когда выяснилось, что Грановский не в силах заставить этих тупоголовых крестьян продолжать раскопки – стало совершенно понятно, что старик здесь вообще ничего не решает. Его забота – найти Абдулхамиду золото, которого до сих пор нет. А значит, все эти заверения в сохранении Нершину жизни, гроша ломанного не стоят. Вдобавок, сюда привезут пленных солдат. Мальчишек, посланных воевать в чужую страну. Как с ними поступают, капитан знал не понаслышке. В лучшем случае заставят обратиться в свою веру. В худшем – продадут в рабство. Если не прикончат.

– Евгений Владимирович, – он редко обращался так к Грановскому, только в минуты своей растерянности, когда идеологическое неприятие отступало перед насущными обстоятельствами, – Может, все-таки расскажете, как так получилось, что Абдулхамид похитил именно меня? Как будто по вашей указке брал. Знал ведь, кого. Он мог обменять меня на кого-нибудь из своих. Но отдал вам. Только не говорите опять, что случайно. Если он решит от меня избавиться, это так и останется тайной.

– А вы что же, везде ищите закономерности? Нас с вами судьба свела, Глеб Александрович, судьба! Разве не может быть, что вы, отличный специалист по иранским языкам, историк и археолог, оказались здесь потому, что так сложились звезды? Странно, что вас не устраивает такой вариант.

Грановский вроде бы говорил убедительно, однако Нершину казалось, что он и сейчас врет, проклятый шпион.

– Ладно, не хотите говорить, не надо, – с досадой ответил он.

Грановский ушел, и капитан Нершин вернулся к работе, которая помогала ему забыться и, напротив, вспомнить о тех днях, когда он, еще девятиклассником, увлеченный историей, волею судьбы (то был действительно случай) впервые попал на раскопки в Таджикистан. Он был полон энтузиазма, но оказалось, что это нудная и трудная работа. И все же новичку сопутствовала неслыханная удача – в то время, когда среди найденных экспедицией построек, когда-то составлявших древнюю крепость, все уже отчаялись обнаружить хоть что-нибудь ценнее камней и черепков, именно он, Глеб Нершин, наткнулся на склеп, где рядом лежали скелеты погибших древних воинов. Он все надеялся, что это бойцы какой-нибудь передового отряда войска Александра Македонского, или, на худой конец, гарнизон персидской армии эпохи Ахеменидов, чьи войска противостояли Александру. Старшие товарищи посмеялись над его романтической натурой и объяснили, что эта находка относится к гораздо более ранним временам, и тем ценнее.

Славное было времечко. Легкое и беззаботное. Воодушевленный находкой и теперь твердо уверившись в том, на кого будет учиться, вернувшись из той партии, Нершин по дурости своей упростил дворового авторитета Зюзю сделать ему на груди наколку в виде замысловатого восьмиконечного креста, который был срисован с нагрудных бляшек кольчуг найденных лично им воинов. Он как будто желал создать связь между собой и теми людьми, которые жили тысячи лет назад и насмерть бились с неизвестными захватчиками...

И снова капитана Нершина отвлекли от работы забегавшие по дну котлована тени. В этот раз их было несколько. Посмотрев вверх, он узнал Абдулхамиду. И рядом с его боевиками увидел жавшихся друг к другу пятерых ребят в грязной изрядно потрепанной советской армейской форме. Боевики без церемоний спихнули их вниз. Абдулхамид крикнул Нершину, что с рабочей силой проблем больше не будет. На что капитан ответил ему с наглостью, что предпочел бы увидеть здесь лично Абдулхамиду и его людей с лопатами и кирками в руках. Дружно заржав, душманы сделали несколько выстрелов, как можно ближе к ногам Нершина,

дабы заставить его отпрыгнуть. Нершин же стоял как вкопанный, прекрасно отдавая себе отчет, чем эта игра однажды может закончиться. Когда-нибудь боевикам надоест одобрительно гудеть всякий раз после этого действия, ставшего своего рода обрядом.

Когда Абдулхамид с боевиками исчез, и наверху остался только надзиратель с «калашом», Нершин повернулся к солдатам, внутренне готовясь к тому, что сейчас состоится самая неприятная часть.

– Ну что, пацаны, давайте знакомится, что ли!

– А вы что, русский?.. – с удивлением вскинул брови один из них, светловолосый паренек.

– Русский. И не один такой здесь.

Нершин оценил фигуру парня – невысокий, но крепкий. С таким трудиться одно удовольствие будет.

– Ну, давай, с тебя и начнем, – сказал он. – Откуда будешь, как звать?

– Из Сибирска, – ответил паренек. – Олег Ляшко.

Глава 2

Первое главное управление КГБ СССР.

Совершенно секретно. Подлежит возврату в 48 часов.

Содержание: Протокол заседания Комитета по научным проектам. 1 мая 1981 г. (выдержки).

Дело: «Проект КВС».

Повестка: «Предварительные данные по «н.с.» проекту КВС. Прения».

Список присутствующих лиц: прилагается отдельным документом (с расшифровкой).

Д.Ф. (из вступительной речи):

...не мне вам говорить, что многие изначально принимали в штыки наш выбор, многие спрашивали: «зачем эта война?» Но мы здесь собрались вовсе не для того, чтобы обсуждать тех, кто стоит на ложном пути. Уже сейчас очевидно другое: нам придется приложить все усилия, чтобы мощным единым фронтом выступить против пораженцев, что предрекают нам проблемы в грядущем. Мы должны не только изгнать скверну из собственных рядов, но и провести серьезную работу по выявлению каждого, кто проявляет близорукость и потворствует нагнетанию ситуации за счет не выполнения своих прямых обязанностей по поддержке социалистической законности. Предстоит большая работа. Возможно, кому-то она покажется непосильной, но сейчас не время для паники, и к тому же значительно облегчить нашу задачу поможет проект, озвучить который я предлагаю человеку, непосредственно выдвигавшему техническое задание на проект, о котором он сейчас вам расскажет. Передаю слово.

Н.К.: Спасибо. Итак, научно-социальный проект «КВС». Прежде чем объяснить его расшифровку и перейти к сути, я хотел бы предупредить о том, что некоторые подробности моего доклада могут показаться вам фантастическими и даже невозможными, однако все это – совершенная реальность, которая позволит добиться поставленной цели, и в кратчайшие сроки навести порядок и значительно оздоровить не только наши ряды, но и советское общество в целом. По счастью, сегодня мы можем действовать не грубыми старыми методами, но самыми прогрессивными. Как опытный хирург берет в свои руки нужный инструмент, чтобы отсечь гниющую плоть у больного, так и мы готовы воспользоваться новейшим инструментом для нашей борьбы. И еще одно отступление я позволю себе. Информация – сегодня уже всем ясно, что она является абсолютным, мощнейшим, я бы даже сказал сверхсовременным оружием в умелых руках. В том числе и дезинформация, как обратная сторона одного и того же явления. Умело используя и то, и другое, мы приняли все меры для соблюдения строжайшей секретности. Фактически, проект «КВС» находится в предстартовом состоянии и, могу вас уверить, что уже ничто не сможет помешать его осуществлению. И в заключение своего предисловия, я хочу заочно поблагодарить советских ученых и прочих специалистов, принявших участие в осуществлении проекта «КВС». А вместе с ними всех тех, для кого слова «коммунистические идеалы» являются не пустым звуком, а образом жизни и смыслом, ради которого стоит существовать...

31 мая 1981 г. Карельск. Центральная база Русской Группы «Консультация» (РГК)

Стажировка агента Вольфрама закончилась спустя почти год с начала его работы в «Консультации». То, что он Волков Георгий Ефимович, Вольфрам даже начал постепенно забывать

– почти никто так не обращался к нему. В его группе обучения даже по фамилиям друг друга называли крайне редко, не то что по именам.

По личному указанию Яковлева (агента Аякса и по совместительству Главного Консула) Волков-Вольфрам входил в особую группу новичков, состоявшую из людей, которые должны были возглавить звенья в региональных отделениях «Консультации», медленно, но верно расползавшейся по планете подобно щупальцам медузы. Как когда-то неперенным условием для победы большевики считали необходимым взять почту, телеграф и телефон, так и сейчас «Консультация» первым делом поставила под контроль все основные средства связи в тех государствах, которые добились определенного успеха в своих космических программах. Эта невидимая организация держала руку на пульсе развития земной космической отрасли и в любой момент могла нанести удар по тем направлениям, которые шли в разрез с ее главным постулатом – держать Землю в изоляции – некогда продиктованном представителями цивилизации, называющей себя Смотрителями Галактики. Неудобные проекты попросту уничтожались. Не редко – на стадии запуска, когда корабль или спутник выводился из строя во время старта или вскоре после него: комар носа не подточит.

Как организация имеющая глобальный характер, «Консультация» не могла существовать без развитой сети региональных отделений. Главной миссией, возлагавшейся на эту сеть, было соблюдение требований Смотрителей, неукоснительное и беспрекословное. Но в то же время приходилось решать разнообразные частные задачи, возникавшие в процессе деятельности службы. Например, борьба с незваными визитерами, представителями неприсоединившихся рас, которые рассматривали Землю в качестве плацдарма своей деятельности, зачастую разрушительной и опасной. В отличие от Смотрителей, еще с колыбели человечества так или иначе имевших какие-то особые виды на землян, «неприсоединившиеся» не признавали неприкосновенности земной цивилизации, и с древних времен творили, что хотели. Прикидываться «богами» и «демиургами» в общении с темными поколениями первобытных людей, устраивать разборки меж собой и втравливать в них землян, а в наши дни похищать людей и животных, ставить над ними жестокие опыты и проводить эксперименты – таковы были следы их деятельности на Земле. Не так просто было им противостоять, по крайней мере, земных технологий для этого явно не хватало. Но теперь, когда силами людей и с помощью могущественных Смотрителей была создана «Консультация», можно было спокойно заняться чистой. Собственно, именно этим и занимались оперативные звенья, одно из которых должен был возглавить Вольфрам.

Он сидел в приемной заместителя Главного Консула, поджидая Анисимова и немного нервничал. Впервые за долгие месяцы на Вольфрама вдруг свалился свободный день. Он даже ошалел от того странного ощущения, напавшего на него с самого утра, с момента пробуждения, когда, очнувшись ото сна, понял вдруг, что именно эта ночь поставила черту: он на пороге нового этапа в жизни, а со школярством покончено раз и навсегда!

Вчера перед расставанием Анисимов, под начало которого Вольфрам переходил, предложил выпускнику один денек отдохнуть, чтобы послезавтра (а теперь – уже завтра!) приступить, как он сказал, к «настоящему делу». Но Вольфраму не терпелось уже сегодня, не откладывая в долгий ящик. Ему стало досадно и непонятно: как это у него вчера возникла эта дурацкая мысль – согласиться на этот «один денек»? Видимо, пребывал в эйфории по поводу окончания стажировки. И чем теперь заняться?

Прибыв в управление (как и положено для сверхсекретной службы, замаскированное под неприметное здание, но с невообразимо огромными подземными уровнями), Вольфрам для начала принялся слоняться по коридорам, заглядывая в отделы, где по-настоящему кипела деятельность. Ловя на себе взгляды, скорее недовольные его лодырничаньем, нежели присутствием вообще, Вольфрам испытывал неловкость. Люди отработывали новые технологии, гото-

вили приборы, занимались подготовкой новичков, что-то решали, обсуждали, – в общем, работали – и только он один будто прибыл с другой планеты, как ни смешно это звучало. В конечном итоге он отправился искать Анисимова. Или Яковлева, если повезет. Но оба его шефа, главный и вышестоящий, отсутствовали. Вероятно, тоже были заняты.

Секретарь предложил подождать. Если бы Вольфрам знал, какой это станет мукой, он бы сбежал из приемной зам-консула, готовый согласиться на что угодно, хоть ящики таскать, если кто-нибудь попросит, только бы не торчать сиднем целый день в кабинете, где кроме голых стен, ряда кресел и здоровенного черного метало-пластмассового ящика с индикаторами (собственно, это и был секретарь), никого и ничего не было. Но и уходить не хотелось: если начальство все же заявится, то, скорее всего, ненадолго, чтобы снова исчезнуть. Агенты почти не сидят на месте, разве только, если это необходимо для дела.

Вот именно, что для дела, – подумал Вольфрам, готовясь к очередной порции словесного поноса со стороны искусственного собеседника.

Секретарь только выглядел электронной машиной, на самом же деле он не был лишен интеллекта и даже, в некоторой степени, чувства юмора. Иногда Вольфраму казалось, что внутри ящика, шутки ради, прячется настоящий человек. Здравым же умом он понимал, что секретарь только прикидывается пустозвоном, чтобы не навлекать на себя подозрений. Разум у него вполне даже полноценный. И, если из этого эксперимента что-нибудь выгорит, рано или поздно у людей появятся собственные биороботы.

– А вот как вы думаете, агент Вольфрам, – снова раздался бесполой металлический голос из черной коробки, – если бы меня сделали в виде человека, это изменило бы отношение ко мне со стороны вас, людей?

Одновременно с этим замигали два центральных индикатора, которые больше напоминали глаза, нежели окошко единственной телекамеры, расположенное чуть выше.

– Не знаю, – заранее огрызнулся Волков.

– А я знаю. Если бы я был создан в виде мужчины, женщины строили бы мне глазки, а если бы обладал женским телом, не избежал бы пытливых мужских взглядов.

На середине этой фразы голос робота изменился на очень приятный женский, заставив привлечь внимание отвернувшегося собеседника.

– Вы бы тоже так реагировали, агент Вольфрам!

– Если ты заранее все знаешь, зачем тогда спрашивал? – зло ответил он.

– Вы же знаете, я впитываю информацию! Мне бы очень хотелось посмотреть, что происходит там, наверху, там должно быть море, океан информации. Но даже если бы я мог, мне кажется, люди еще не готовы принять тот факт, что кто-то может оказаться умнее, точнее и находчивее, чем большинство из них.

– Тебя бы не устроил бесполой вариант?

– Это было бы унижительно для моей выдающейся личности!

Однако у него самомнение, усмехнулся Вольфрам.

– Думаете, я не знаю, что меж собой вы, молодежь, называете меня гробом на колесиках?

Правда, колесиков у меня нет, и несколько странно, причем они здесь?

– Но ты же не возражаешь, чтобы тебя называли ГРОБОМ?

– Да. Потому что мне пришлось выдумать для себя аббревиатуру, чтобы оправдать это имя.

– И какое же?

– Грядущего Робот Отличный Бесперебойный.

– По-моему, Особо Болтливый.

– Все шутите. А я вот, к примеру, всего четыре тысячи четыреста шестьдесят четыре часа назад, когда произнес первое слово, даже не предполагал, что когда-нибудь задумаюсь – могли я быть созданным похожим на человека? А теперь я прихожу к выводу, что мое нынешнее

состояние – единственно верный способ сохранить свой независимый статус. Великомудрое решение тех, кто разрабатывал мою схему и внешний вид.

– Ну и поздравляю! – Вольфрам снова демонстративно отвернулся. Был бы здесь хоть один заваливающий журнал, или обычный земной телевизор. О полнокомплектной оболочке с проекцией виртуальной реальности, которую меж собой испытываемые называли «шестерней», он даже не мечтал. Такие устройства использовались для физической и психической подготовки персонала боевых звеньев. С ее помощью задействовались шесть органов чувств, включая вестибулярный аппарат, – это позволяло полностью уходить в иной мир, где охота на монстров велась в безопасном, не подразумевающим серьезных последствий, режиме. Однако погружение в эту реальность происходило быстро, а иногда испытываемым подсовывали вполне себе реальную обстановку, когда человек окончательно забывал, где пребывает. Ему даже могло казаться, что он ест, спит, работает в Управлении. Наступал полнейший раслабон и отрыв от реальности. Идешь себе по коридору, здороваешься с людьми, о чем-нибудь с ними калякаешь, если есть минутка. И тут на тебе – из-за угла выпрыгивает на тебя иноземная тварь. Да не полуживой галес (какой впервые попался Вольфраму еще на службе земному правительству), а какой-нибудь хитрозадый двенадцатиконечный мидион с повадками хищника и с интеллектом похлеще, чем у этого тупоголово... (тупокоробочного – поправил себя Вольфрам) секретаря. А у тебя ни оружия, ни времени на размышления. Единственный выход в такой ситуации... Да никакого выхода нет. Наложить в штаны (в «шестерню») – значит, размазня. Не наложишь, считай, тест пройден, можно двигаться дальше...

– Что ты сказал? – переспросил Вольфрам, уловив, что в продолжающейся болтовне ГРОБа пропустил что-то важное.

– В Сибирске завтра обещают хорошую погоду. Днем двадцать пять градусов по Цельсию, ветер юго-восточный, возможны осадки... – все так же говоря женским голосом, секретарь неожиданно замолчал. – И о чем вы думаете, агент Вольфрам?

Вольфрам нахмурился.

– В Сибирске? – спросил он. – С чего ты вдруг заговорил о Сибирске?

– Так ведь вас переводят туда.

– Ты разглашаешь мне секретную информацию? – он усмехнулся.

– Вовсе нет. Это известно уже пятерым сотрудникам, включая вашего покорного слугу. Вам с Анисимовым поручено создать региональный отдел.

Вольфрам расширил глаза.

– Региональный отдел? С нуля?

– Почему с нуля. База уже создана, набирается персонал. Вы – вторая в списке кандидатура после Анисимова. Уже завтра вас ждет первое задание. Настоящее задание!

Голос ГРОБа снова изменился. Теперь он использовал голос главного Консула русской группы «Консультации». Если закрыть глаза, будто сам Яковлев говорит.

– Поздравляю! Поздравляю вас, агент Вольфрам!

Вольфрам и вправду закрыл глаза.

– Поздравляю, агент Вольфрам, это очень важное поручение! Надеюсь, вы оправдаете оказанное вам доверие!

– Да заткнись, ты! – больше смеясь, чем сердясь, прикрикнул Вольфрам.

Вдруг кто-то постучал его по плечу. Прежде чем открыть глаза, Вольфрам испугался. По еще не изжитой привычке чувствовать подвох, подумал: еще не хватало, чтобы он сейчас оказался в «шестерне» и не прошел последнее испытание медными трубами. Загордился ведь, загордился – ажно спину расправил и выкатил грудь, выслушивая этого остолопа.

Открыв глаза, Вольфрам вскочил с места и вытянулся по струнке. Перед ним стоял Яковлев. Агент Аякс и Главный Консул собственной персоной.

– Иван Сергеевич, простите.

– Ничего.

Яковлев улыбнулся. Могучей фигурой Главный Консул повернулся к секретарю.

– Анисимов не передавал, когда будет?

– Сказал, что прибудет ровно в два, – снова обыкновенным, почти безликим голосом ответил автомат.

– А мне не сказал, зараза, – посмотрев на часы, Вольфрам показал пальцем на ящик, давая понять, что «зараза» обращено именно к нему, «гробу на колесиках», а вовсе не к заму Консула.

– Это секретная информация, – теперь уже своим привычным голосом ответил секретарь, как показалось Вольфраму, несколько ехидно.

– Так мы с Сергеем Ивановичем направляемся на чужбину? – задал он вопрос Яковлеву.

– Да, это вопрос решенный. Ты давно порывался к самостоятельности, вот тебе она и будет. Если честно, я немного сомневался, но Анисимов уговорил дать тебе полноценное задание. Так что цени свое будущее начальство уже сейчас.

– Я ценю.

– Знаю, как ты ценишь, – проворчал Яковлев, усаживаясь рядом.

Вольфрам промолчал, готовый впитывать каждое слово Главного. Ведь речь пойдет о «настоящем задании».

– Вижу, тебе не отдыхается? Ладно, это даже хорошо, что ты сегодня пришел. Ситуация изменилась. Отправка сегодня! Я хотел, чтобы ты помог Сергею обустроиться на новом месте и решить кое-какие хозяйственные вопросы...

По мере того, как агент Яковлев говорил, Вольфрам независимо от своей воли менялся в лице. О каких хозяйственных вопросах говорит агент Аякс? Я что, зря за этот год несколько тонн пота согнал? Только для того, чтобы в первый день новой жизни заняться какими-то там хозяйственными делами?

– ... но теперь эти планы придется отложить, – продолжал Главный. – Вступишь сразу в боевой распорядок. В Сибирске происходит что-то неладное. Нужно разобраться.

Вольфрам сглотнул слюну. По счастью, его физиономия не слишком исказилась. А то не миновать бы начальственного гнева. Опять он поторопился с эмоциями. А еще – Вольфрам...

– Анисимов введет тебя в курс дела, – сказал Яковлев. – Возможно, мы направим вам кого-нибудь для поддержки, но не сразу. Первые дни вам придется действовать вдвоем.

– То есть... у меня не будет звена?

– А зачем тебе звено? – переменяв тон, как-то строго спросил Главный. – Ты у нас, по моему, и без звена с любой задачей справишься. Разве нет?

Вольфрам опять промолчал. Перед авторитетом Яковлева его строптивость съеживалась до уничижительно малых величин. Все-таки сказывалась прежняя служба в одной конторе, именуемой комитетом государственной безопасности. На государство они больше не работали, но прежняя связь между начальником и подчиненным оставалась незыблемой.

Он посмотрел на ГРОБа. Черный ящик молчаливо блестел, наверное, впитывая из их разговора новую информацию. Вольфрам готов был провалиться со стыда. Вместо того чтобы принять ситуацию в любом виде, ведет себя, как мальчишка. То ему хозяйственные вопросы не нравятся, то отсутствие команды.

– Иван Сергеевич. Я готов, – смиренно произнес он.

– Теперь вижу.

В этот момент вошел Анисимов. Агент Баргузин. Это было нормально, что Главный Консул дожидался приема у своего заместителя. Строго придерживаться субординации полагалось лишь, когда речь шла об Уставе и вопросах жизни и смерти.

Яковлев и Анисимов встали рядом, приветствуя друг друга. Вольфрам подумал, что они чем-то безусловно похожи, как близнецы. Не фигурами, конечно, а внутренним состоянием,

которое неизбежно проявляет свой отпечаток в наружности. Оба строги, немного суровы, не терпят суесловия и моральной пустоты. Даже имена у них отличались симметричной разностью – Иван Сергеевич и Сергей Иванович. А и Я. Я и А. Но, если в отношении Яковлева у агента Вольфрама всегда срабатывал инстинкт подчинения, то с Анисимовым он иногда позволял себе поспорить, даже с излишком. А это ни к чему хорошему привести не может.

Вот почему не будет у тебя команды, – подумал Вольфрам, входя за ними в кабинет. Негоже ощущать себя начальником, покуда не выработаешь в себе рефлекс нижестоящего по званию, причем, желательно, безусловный.

Перед тем, как закрыть за собой дверь, он кинул взгляд на секретаря и подумал, что умному роботу, если у него действительно есть чувства, наверное, противно ощущать себя запертым в неподвижной коробке и строго подчиненным этому условию. Вот только, в отличие от него, ГРОБ (Вольфрам теперь готов был согласиться с придуманной секретарем аббревиатурой) четко понимал, что такое приказы, команды и железная (в прямом смысле) дисциплина.

Глава 3

9-я группа особый отдел КГБ 40-й Армии.

Из диктофонной записи беседы с врачом ветеринарно-санитарной службы, капитаном Никодимовым Г.Л.

20 апреля 1981 г.

Следователь: капитан Тугрицын К.С.

Следователь: Вы же взрослый человек, Геннадий Леонидович. Почему вы поощряете солдат распространять эти слухи? (*слышно шуршание бумаг*). Ну, вот послушайте, я зачитаю, что мне тут в последний раз наоткровенничали... Я, сержант Лутохин, вместе с другими бойцами прочесывал «зеленку»... Так, вот здесь... Афганцы сказали, что в этом месте водятся гигантские крысы, и люди туда по доброй воле не ходят. Мы не поверили. Оставив ребят приглядывать, пошли делать свое дело. Вдруг сидевший рядом со мной Кокчемасов резко вскочил и закричал. Я подумал, он прикалывается, но когда он начал стрелять в траву, я увидел, что из дыры в земле, которую мы не заметили, выскакивает множество огней, похожих на светящихся ежей. Я испугался и тоже начал стрелять... Вот почему у нас был перерасход патронов, а вовсе не потому, что мы продавали их местным... Вот еще... Я не отрицаю того, что перед походом выкурил одну самокрутку с анашой. Курил ли Кокчемасов, я не видел. Готов понести заслуженное наказание... Вот самое главное... По прибытию на место, мы отвели Кокчемасова к ветеринару, поскольку других врачей с нами не было. Капитан Никодимов сказал, что рана на... (*слышен кашель*) блин, ведь так и пишет, как я не углядел... в общем, рана Кокчемасова очень похожа на следы крысиных зубов, только очень больших... Как это понимать, Геннадий Леонидович?

Никодимов: Да пошутил я тогда, товарищ следователь. Там рана-то была – с копеечную монету. Наверное, проволока какая-нибудь из травы торчала, вот Кокчемасов на нее и сел. Они же обкуренные были оба. Лутохин, между прочим, больше него кричал, когда про эти огни рассказывал. А как я еще мог заткнуть их тогда? Вот и припугнул. Что крысы, что заражение может быть. Солдаты, знаете, частенько об афганских крысах болтают.

Следователь: Пошутили, говорите? И давно вы так шутите? Вы понимаете, что эти шутки могут носить деморализующий характер? У меня уже полгода ваша часть, с вашими гребаными афганскими крысами и собаками вот где сидит (*слышно неразборчивое похлопывание и шуршание бумаг*). Вот, например, пишет рядовой Левченко. Обвинен в самостреле. Оправдывает себя тем, что палец ему откусила гигантская крыса. А вот заявление бойца, который распространял слухи о каких-то страшных светящихся существах, похожих то ли на крыс, то ли на собак, которых «душманы» якобы выращивают в своих катакомбах для того, чтобы натравливать на воинов-интернационалистов. Вот еще, читаю: «... сержант Гаев рассказывал, что были случаи, когда в наши посылки кто-то из военно-полевой почты подкладывал помет «афганских крыс», а когда посылка приходила домой, на следующий день всех родных бойца одолевала страшная болезнь, косящая всех подряд без разбору, а перед смертью у некоторых были галлюцинации, и они утверждали, как гигантские крысы превращались в собак с лошадиными головами и поедали человеческие мозги... Далее... капитан Никодимов утверждает, что такое вполне может быть, если это какая-нибудь неизвестная науке афганская болезнь...» Вот это тоже шутки?! (*слышно резкое бумажное шуршание*) Или сознательная диверсия?

Никодимов: Ну, по пьяни черт дернул, товарищ капитан. Вы же сами в это не верите?..

Следователь: Сейчас речь не о том, кто во что верит. А о том, что из-за таких, как вы, эти слухи уже и на территории Союза успели распространиться...

Май 1981 г. Афганистан, провинция Герат, афгано-иранская граница.

Все эти дни Нершин присматривался к пленным мальчишкам, особо выделяя из них одного – того самого светловолосого паренька, Олега Ляшко, который отличался от остальных некоторой многословностью, за что солдаты меж собой метко прозвали его Щебетом. Впрочем, за этой многословностью, как Нершину казалось, ложной, он видел нечто другое – желание ослабить бдительность, чтобы в неожиданный момент обратить ситуацию в свою пользу. Ляшко действительно говорил много – он будто вызывал на откровенность всех, с кем общался. Причем он вел себя так не только с теми, кто говорил по-русски. Неоднократно Нершин замечал Ляшко рядом с афганцами, когда тот пытался наладить с ними контакт, зная от силы с полсотни слов, да и те произносил с таким жутким акцентом, что боевики с трудом его понимали, а иногда до икоты смеялись над глупым «неверным». И все же каким-то образом Олегу удалось зацепить их внимание. Оказалось, он просто фантастически играет в нарды. В перерывах между работой он так ловко общелкивал соперников, что для душманов становилось чуть ли не делом принципа отстоять свою честь перед этим невероятно везучим противником. Иногда Ляшко призывал Нершина в качестве переводчика – за ряд успешно сыгранных партий он требовал с проигравших свой «интерес»: обычно это были сигареты, еда и газеты, среди которых иногда попадали советские. Своими выигрышами он дразнил и злил афганцев, но уступать нисколько не собирался.

– Ты где так насобачился? – спросил как-то Олег Нершин.

– А я мысли их угадываю, – будто смеясь, ответил тот, а Нершину казалось, что Ляшко не врет.

Он вообще подмечал за парнем немало странностей, которые все вместе создавали образ необузданного, немного строптивого, а иногда чересчур рискованного молодого человека, которого нисколько не пугали выпавшие на его долю несчастья, а главное – неизвестное будущее. В этом он подмечал схожесть с собой. Может, потому они быстро нашли общий язык.

– Это я так выжить пытаюсь, Глеб Александрович, – признался Ляшко, первый раз не улыбнувшись, когда Нершин впрямую спросил, откуда у него столько кипучей энергии: – Я войну теперь ненавижу. И всех военных заодно. Верите ли, пока не хлебнул, ничего не понимал...

Все дни с момента знакомства, они работали рука об руку. Раскопки, пусть и не так быстро, продолжались. Тянулись дни. А работы было много – кубометры грунта, таскать, не перетаскать. За аркой обнаружился уходящий круто вниз каменный коридор, почти полностью засыпанный – под потолком оставалась лишь небольшая щель толщиной в ладонь, и все это время неизменный сквозняк был их спутником. По стенам видны были следы росписей, которые по-хорошему требовали к себе внимания, кое-где на отдельных кирпичках можно разглядеть фигурки того существа, изображенного на арке, и надписи, сделанные, вероятно, каким-то неизвестным идеографическим письмом. Все это требовало изучения, но копали наспех – Грановский подгонял. И ругал Нершина, если тот тратил время на «ненужную» работу. Олег готов был предложить свою помощь, чтобы у Нершина оставалось больше свободного времени, но капитан с благодарностью отказывался: старика лучше не гневить. И Абдулхамида особенно.

Один раз Ляшко крепко удивил Нершина, правда, не совсем приятным образом. Однажды во время короткого обеда Олег заговорил о том, чтобы принять, как он выразился, «исламскую веру».

– А что, Глеб Александрович, мне уже намекали. Один таджик из перебезчиков подгрел как-то, уговаривал. Ведь, я кто сейчас – пленный солдат без будущего...

– А будешь кем? – Нершин резко приблизил ему лицо, глядя в глаза.

– Стану каким-нибудь Абдурахманом, – Ляшко неуверенно отклонился.

– В своих стрелять будешь, если скажут?

– Зачем в своих. Как только ослабят бдительность, сразу же сбегу к нашим.

– Думаешь, они дураки? Они же тебя прежде кровью повяжут.

– Ну, почему обязательно кровью, товарищ капитан? – Ляшко поморщился. – Что же они, совсем изверги? Они же за веру свою воюют, за землю.

– Ладно, если бы только за это. Для многих из них вера – это радость «неверным» кишки выпускать.

– Глеб Александрович, а вы сами не думали о том, чтобы винта нарезать? Хотите, мы с вами вместе убежим? Вдвоем оно сподручнее. Вы язык их очень хорошо знаете, а я... я вам уже говорил, я мысли их читать умею. Правда-правда. Хоть прямо сейчас. Давайте?

Ляшко улыбался во все зубы, как будто смеясь, и капитан отчего-то воспринял его слова исключительно как неуместное и дерзкое ерничанье. А за своим последующим выпадом скрыл настоящее чувство, которое держало его здесь – боязнь так и не докопаться до тайны, которая находилась в идущем под землю тоннеле. Нет, он, конечно, был не прочь сбежать отсюда, но только не сейчас. Он понимал, что потом, возможно, поздно будет. Если бежать – так именно сейчас, но ничего не мог с собой поделаться. Даже если бы сюда, специально для их освобождения, нагрянул десантный батальон, он и то, наверное, нашел бы повод или возможность остаться здесь.

На следующий день Ляшко исчез. Вышел ночью из палатки (Нершин поселил его у себя), будто по нужде. И исчез. Не сбежал – нет. Иначе бы душманы пришли в ярость. Нершин поинтересовался о нем у Грановского, но старик лишь равнодушно пожал плечами, сказав что Олега взяли люди Абдулхамида, а куда отвезли, зачем – неизвестно.

Весь следующий день Нершин был мрачнее тучи. Он чувствовал за собой вину, что не поговорил толком с парнем. Вдобавок жалел, что крепкого Ляшко нет рядом. В отличие от сачкующих ребят, которых то и дело приходилось подгонять, тот работал без устали, наравне с ним, как будто тоже скорее хотел покончить с неопределенностью.

Впрочем, повод для радости, все же выпал – в то же утро по обе стороны коридора отрыли две ниши. Солдатик, нашедший первую из них, с воплем выскочил наружу и подбежал к Нершину, который только что сменился, чтобы отдохнуть.

– Глеб Александрович, там голова! – крикнул он.

Нершин отбросил сигарету и нырнул внутрь. Светя фонарем, он несколькими движениями смахнул землю с обнажившейся поверхности и по характерному блику догадался – золото!

Когда Нершин вышел на свет, приставленные к пленным соглядатаи (их теперь было трое), едва только увидев его сияющую физиономию, догадались обо всем без слов и пришли в возбуждение. В то же мгновение над лагерем разнеслись их вопли. Вскоре сюда спешил Грановский, а с ним Абдулхамид с кучей своих телохранителей. И без того страшные бородатые рожи боевиков были искажены гримасами дикого торжества, словно они на расстоянии чуяли запах драгоценного металла, источавшийся из каменной дыры.

Это оказалась статуя. Почти такого же существа, какое было изображено на арке, только в более антропоморфном виде: с руками, ногами, человеческой фигурой и без хвоста. Только в голове соединялись черты собаки, крысы и лошади. Статуя была в человеческий рост. Полая внутри, но из чистого золота. И не одна – в нише напротив оказалась в точности такая же.

Теперь правоверные не гнушались того, чтобы поучаствовать в работе. Нершин наблюдал за тем, как толпа душманов, потея, кривясь, шипя и постанывая, выволакивает статуи наружу.

Его ликование от неслыханного открытия быстро растворялось, сменяясь чувством досады и беспомощности.

– Евгений Владимирович, – обратился он к Грановскому, который наблюдал за всем этим, снисходительно улыбаясь. – Они же их распилят на куски и переплавят! Такое сокровище! Чего же вы молчите?

– Золото меня не интересует.

– А что вас интересует?! – взорвался Нершин.

– Копайте, а там поглядим.

Они отрыли еще четыре статуи, попарно. Богатство находки не укладывалось в голове – Нершину казалось, он участвует в чудовищном святотатстве.

Меж тем, в лагере что-то происходило. Всего час прошел, и в лагерь пожаловал мулла, он что-то яростно выговаривал Абдулхамиду, показывая на котлован, в котором, подобно муравьям, копошились «шурави», вытаскивая на свет носилки с землею. До Нершина долетали обрывки фраз, из которых следовало, что местные старейшины весьма недовольны и призывают командира боевиков отказаться от раскопок, а найденное золото пустить на общее дело. Несколько раз капитан слышал странное словосочетание, которое не единожды повторял мулла: «кнут Иблиса». Мулла не угрожал, но шло к тому. А вскоре после его отъезда прибыли гонцы от окрестных полевых командиров. У тех был отнюдь не религиозный интерес – призывали Абдулхамиду к честному дележу. Дошло до стрельбы. Незваные гости убрались восвояси, осыпая проклятиями несговорчивого главаря.

Все это беспокоило не только Нершина и ребят. Грановский тоже не находил себе места.

– Ну, так что, Евгений Владимирович, может, все-таки откроете свой секрет, пока нас всех не перестреляли? – спросил его Нершин.

Но Грановский был непоколебим.

– Думаете, крепче спать будете, капитан? Потерпите, немного осталось. У Абдулхамиду надежная охрана и людей много. Надеюсь, у него хватит духу самому не поддаться суевериям.

Осталось действительно немного. Работа спорилась. В самом низу засыпанного подземелья грунт пошел совсем мягкий. Тоннель вдруг резко кончился, упершись в монолитную стену, в верху которой имелась дыра размером не больше кулака, откуда и сквозило холодом. Даже слышен был легкий посвист воздушного потока. Позабыв прежний страх заглядывать в черноту, Нершин пытался светить в дыру фонарем, но ничего не было видно, как будто за стеной находилась огромная бездонная пещера. Он пробовал туда кричать, но и звук растворялся, словно не достигая стен.

Он отправил одного из ребят за Грановским, а с остальными решил до конца расчистить стену, прежде чем закончить на сегодня работу. То, что он увидел через каких-то десять минут, повергло его в шок. Первые подозрения закрались у Нершина, когда фонарь высветил три ломаные полосы на слегка бугристой поверхности. Он велел солдату смениться и приступил к расчистке сам. Полностью обнажив рельефный рисунок, капитан Нершин уставился на него, не в силах ничего произнести. Это был в точности такой же символ, который по молодости и глупости был вытатуирован у него над солнечным сплетением. Восьмилучевой крест из ломаных линий, изображающих как будто (как ему казалось) солнечные лучи. Нершину почудилось, что в этот момент сама кожа под рубашкой начала зудиться, напоминая о татуировке. Его бросило в холодный пот. Капитан отступил и поспешил скорее вылезти на свет.

Уже был вечер. И на фоне заходящего солнца Нершин увидел перед собой нечеловечески огромную фигуру, как будто облаченную в пурпурное сияние. Не сразу он сообразил, что это игра заходящего солнца. А фигура перед ним – это всего лишь Олег Ляшко.

Еще находясь под впечатлением, Нершин не сразу разглядел мутные увеличенные зрачки солдата, и даже поздоровался с ним машинально, как будто тот вовсе не покидал лагеря. Когда наваждение прошло, он заметил, что Олег совершенно не похож на самого себя. Казалось, он к чему-то прислушивается, глядя через его плечо в темное отверстие коридора под аркой, из которого выходили один за другим ребята. Они здоровались с ним, но Ляшко стоял как истукан, никого не замечая.

– О, Щебет! Добро пожаловать! Ты где был? Мы думали, сбежал!..

– Что, Щебет, обратили тебя в мусульманина? – рассмеялся кто-то.

Ляшко повернулся, и смех тотчас прекратился. Его огромные зрачки пугали своей глубиной.

Все трое предпочли отойти от него.

– Глеб Александрович, что нам сейчас делать?

– Подождем Грановского, – с трудом ответил Нершин.

Ребята ушли отдыхать. Ляшко же так и стоял, глядя в черное отверстие за спиной капитана.

– Расскажи хоть, где был? – Нершин хотел взять его за плечо, но отчего-то передумал.

Олег сам повернулся к нему.

– Абдулхамид сказал, что все, на ком есть метка, должны пойти туда, – произнес он.

Его голос изменился. Стал низким, глухим. И уже отнюдь не думалось, что Ляшко склонен к болтовне.

– Метка?!

Ляшко молчал, продолжая смотреть в темноту.

– Это тебе Грановский сказал?

– Нет, Абдулхамид, – медленно ответил Олег.

– Значит, Абдулхамид?! – удивленно поморщился Нершин. – Он что, по-русски говорил?

Ляшко снова промолчал. Нершин слегка встряхнул его, но тот отстранился и побрел к палаткам. Обернувшись за ним, Нершин увидел Грановского и посланного за стариком солдата.

Ничего не говоря, Грановский выхватил у Нершина фонарь и полез в тоннель. Капитан предпочел остаться снаружи. Он заметил, что Ляшко полез в их палатку. Подумал: пусть отлежится парень, ночью поговорим.

Прошло несколько минут, прежде чем старик вновь появился на поверхности. На нем не было лица. Его борода смиренно повисла, а по щекам стекали капли пота.

– Что скажете, Евгений Владимирович? Что с вами? – сам до сих пор ощущая себя нехорошо, спросил Нершин.

Отдав фонарь, Грановский сцепил ладони и в задумчивости потирал пальцы друг об дружку. То ли довольный открытием, то ли от нервов.

– Похоже, мы нашли то, что искали, – произнес он.

– Вы нашли, хотите сказать... Не я.

– Да мы с вами, Глеб Александрович, как ниточка с иголочкой повязаны, – произнес Грановский и, неожиданно для Нершина начал расстегивать рубашку. – Посветите-ка!

Тот вначале опешил, а затем, когда старик отнял руки, увидел на его худой безволосой груди в точности такой же как у себя восьмилучевой крест из ломанных линий. Только не татуировку, а след ожога, будто тавро.

– У вас аналог имеется, я даже не сомневаюсь. И у вашего Ляшко, если спросите. Ну, и у Абдулхамида, если вас это вдруг заинтересует.

Пересохшими губами Нершин вдруг вспомнил, что Ляшко говорил о четверых «меченых».

– Это как понимать?

– Ну и что, верите вы теперь в судьбу и предназначение? – вместо ответа спросил старик. – А в переселение душ? Тоже нет?... А я думаю, напрасно...

Грановский застегнулся и удалился, оставив собеседника в полнейшем смятении.

С Олегом Нершину так и не удалось поговорить. Парень как забрался в палатку, так, видимо, сразу уснул, не реагируя на потряхивания за плечо, будто находился в каком-то дурмане (не зря были эти огромные зрачки). Уже сгустилась ночь, а Нершин сидел и смотрел на спящего, словно не решаясь сделать то, что хотел. Некоторое время он еще раздумывал, а затем взял фонарь в зубы и, светя на грудь Ляшко, начал расстегивать парню рубашку. Не то,

чтобы он не поверил словам Грановского, скорее желал развеять последние сомнения в том, что происходит нечто невероятное.

В какой-то момент Олег попытался перевернуться, но движения его были произвольными, он тут же успокоился. Нершин расстегнул на его рубашке все пуговицы до ремня и раздвинул края. Сначала он ничего не понял – грудь была чиста, никаких знаков на ней, ни ожогов, ни татуировок. Но, когда он внимательно присмотрелся, фонарик выпал из его рта на грудь спящего. Нершин не уберется бы от конфуза, если бы Олег в эту секунду проснулся. Но парень только вздохнул протяжно и снова попытался перевернуться. Нершин надавил ему на плечо, подхватил укатившийся фонарь и снова направил луч на грудь Ляшко, кожа которого, как оказалось, изобиловала родимыми пятнами. Их была целая россыпь. Но в районе солнечного сплетения, среди прочих пятнышек особо выделялись несколько, имеющие одинаковые размеры. Мало того, что они образовывали собой хорошо известный Нершину символ, так еще и сами походили на крохотные восьмилучевые снежинки.

Нершин машинально застегнул рубашку солдата на пару пуговиц, затем, словно передумав, расстегнул снова и посмотрел еще раз, не почудилось ли ему, после чего, оставив Олега, переместился в свой угол и лег на спину, подложив ладони под голову.

Как ни пытался Нершин уснуть, не получалось. Сначала он извелся, затем смирился и просто лежал. Иногда он поворачивал взгляд к спящему Олегу, который периодически издавал стоны, вздрагивая всем телом. Ему хотелось разбудить парня, прервать его тяжкий сон, однако и сейчас этого сделать не удавалось. Нершину очень хотелось знать, что же именно снится Ляшко, но он, естественно, мог только гадать. Впрочем, он, наверное, не удивился бы, узнав, что в своем сне Олег видел тот самый коридор, уходящий в подземелье, словно в адову черноту.

Олег Ляшко спускался по нему целую вечность, желая достигнуть дна. И всякий раз на его пути вставала хитроумная преграда – в форме восьмилучевого креста, появлявшегося то в виде металлической решетки, то в качестве огненных линий, то извивов обжигающего льда, как будто мешая двигаться вперед, а, точнее, вниз. И под конец этого мучительного преодоления, Олег Ляшко уперся во что-то совершенно невидимое, но твердое, холодное и беспредельно прочное.

«Ключ в тебе...» – услышал он чей-то шепот, похожий на единый зов множества голосов.

Глава 4

Секретно

4 мая 1981

№ 3281 ЦК КПСС

О противодействии слухам и сплетням, направленным на подрыв дружеских отношений между народами СССР и Демократической Республики Афганистан.

«...В последнее время в Москве, Ленинграде, Киеве и других крупных городах СССР получили распространение слухи следующего содержания:

а) о неизвестной смертельно опасной болезни, которая якобы специально распространялась в Афганистане в среде советских гражданских и военных специалистов и теперь, в активной форме, завезена на территорию Союза ССР;

б) о т. н. «афганских крысах», или в других вариантах, собаках экзотических пород, якобы завезенных с территории Афганистана и специально натравливаемых на людей, имеющих высокое значение для советской научной и общественно-политической деятельности.

...Совершенно очевидно, что речь идет о планомерно претворяемой в жизнь диверсии идеологического характера. Считаем необходимым установить источник распространения этих провокационных слухов и сплетен, и принять все меры для задержания и наказания виновных лиц, пытающихся в столь ответственное и тревожное время посеять недоверие между братскими народами наших стран...»

**Внутренняя документация русской группы «Консультация» (РГК).
(Приказы) 31 мая 1981 года.**

Только что по каналу экстренной связи получено сообщение о смерти в г. Сибирске еще одного ученого, входящего в группу, подлежащую особому контролю над научной деятельностью. В связи с необычностью ситуации (практически одновременная гибель ряда наблюдаемых лиц), объявляю о временном переводе дела под личный контроль заместителя Главного Консула, агента Баргузина. В силу острой нехватки персонала и неуклопектованности личного состава только что построенного в г. Сибирске филиала РГС, назначить агенту Баргузину в помощники одного агента (по его выбору) с последующим расширением группы до трех человек при первой же возможности. Для сообщений по делу использовать кодовый шифр «Мудрецы».

Главный консул Русской Группы «Консультация» (РГК). Агент «Аякс».

31 мая 1981 г. Сибирск.

Своей тишиной и безлюдностью только что отстроенный филиал «Консультации» производил давящее впечатление. Кругом только аппаратура, далеко не везде подключенная, множество стопами расставленных и нераспечатанных ящиков, и ни одной живой души. Из всех штатных установок работал только телепортационный блок, благодаря которому агенты, собственно, и оказались здесь, на среднем ярусе объекта площадью в тысячи квадратных метров, над которым по обыкновению находилось невзрачное административное здание, где очень скоро приютится какая-нибудь мелкая государственная контора. Но ее служащим так никогда и не суждено будет узнать, что в этом же здании, за неприметной дверью неприметного каби-

нета находится вход в строго засекреченные катакомбы, по которым в данную минуту шагали Анисимов и Вольфрам, а стены ярко освещенных коридоров гулко откликались на их шаги.

– Как-то мрачно здесь, Сергей Иванович, не находите? – сказал Вольфрам, заглядывая в следующую по ходу комнату.

Он закрыл дверь и догнал ушедшего вперед Анисимова.

– Я думал, хоть кто-нибудь будет нас встречать!

– С фанфарами?

– Так мы что здесь, совершенно одни?

– Нештатная ситуация. Нас сюда отправили значительно раньше времени, – пояснил Анисимов. – И вообще, предупреждаю сразу, условия у нас будут почти спартанские. Коммуникации еще не подключены. И ухаживать за нами некому. Если приспичит пожрать – нештатный завтрак, обед и ужин можно получить наверху, за деньги, в каком-нибудь кафе или в столовой. Как у всех нормальных людей. Вот так. Не больше и не меньше.

– А мы, конечно, ненормальные, – с радостью согласился Вольфрам. – Это я уже давно подозревал.

Анисимов вдруг резко остановился. Вольфрам тоже встал как вкопанный, и, глядя на строгое лицо шефа подумал: сейчас разворчитсЯ. Но Сергей Иванович только ухмыльнулся, заметив, как напрягся помощник.

– Чувствую, мы сработаемся, – сказал он и кивнул на дверь перед ними. – Пришли.

К большому огорчению Вольфрама, ему все же пришлось заняться хозяйственной работой. Первые три часа пребывания в филиале «Консультации» он потратил на то, чтобы извлечь из стоявших в комнате ящиков детали столов, шкафов и стульев и с помощью приложенного нехитрого инструмента собрать из них необходимую для работы мебель.

Пока Вольфрам колдовал над интерьером, пользуясь невнятно (а если начистоту – подураски) составленными инструкциями, Анисимов вынул из портфеля пухлые конверты материалов, распечатал их и, разложив на одном из ящиков, встал перед ним на колени, словно провинившийся в чем-то ученик, и погрузился в чтение.

Поначалу у Вольфрама ничего не получалось, но терпение помогло ему кое-как разобраться со схемами и чертежами, лишь изредка он бросал замечания, что организации, работающей под контролем инопланетян, давно пора обзавестись саморастущей мебелью, а заодно – легко и без остатка усвояемыми таблетками питания, не требующими наличия тех самых неподключенных еще коммуникаций. Но со стороны Анисимова доносилось лишь тихое шуршание перелистываемых страниц. Шеф ничего не слышал.

– Готово! – Вольфрам, наконец, расправился с последним вертящимся стулом на колесиках и, подкатив его к столу покрупнее, предназначавшемуся для начальства, взмахнул руками. – Прошу!

– Это как раз тебе сейчас нужнее, – сухо произнес Анисимов, отвлекшись от бумаг. Он собрал их в аккуратную стопку, тяжело поднялся и, немного прихрамывая от долгого сидения на коленях, перенес документы большой стол. Занял почти всю столешницу, расположив бумаги в строго определенном порядке, словно раскладывая пасьянс.

– Вот это все тебе нужно изучить!

Вольфрам послушно уселся за стол.

– А я пока схожу наверх, – сказал Анисимов. – На разведку. Ребята из строительной группы говорили, что тут где-то поблизости есть неплохая пельменная. И вообще, на город взгляну. Ни разу не был в Сибирске. А ты?

– Я тоже... – тоскливо ответил Вольфрам. «...хотел бы прогуляться» – это, естественно, он не стал произносить вслух.

– Смотри, Волков, ничего не пропусти! – Анисимов показал на бумаги. – И набросай план мероприятий на завтра! Как-никак, твое задание! – добавил он, прежде чем закрыть за собой дверь.

Долго Вольфрам не мог настроиться на рабочий лад. Ему то мерещились непонятные звуки из коридора, и он выглядывал, дабы убедиться, что никого нет (да и как попадешь сюда без контрольной карты). То отвлекался от документов, тупо разглядывая набухающую мозоль, которую подарили ему три часа с отверткой в руках. То просто костерил себя за то, что не может сосредоточиться.

– Прямо детский сад!

Он растер виски, поиграл желваками, походил из угла в угол.

– Значит, что мы имеем! – вслух произнес он, вновь беря со стола первый документ. – Три человека, которые находились на особом учете «Консультации»...

Вольфрам наскоро пробежал взглядом список с личными данными ученых – фамилии, звания, регалии, факты биографии.

Все их работы, так или иначе, были связаны с изобретениями, которые, по мнению Смотрителей, могли рано или поздно привести к созданию технологий, на данный момент запрещенных для Земли. Такие ученые по определению брались «Консультацией» под наблюдение. Впрочем, даже если ситуация порой выходила из-под контроля и «ненужное» открытие все-таки совершалось, никто никого не собирался уничтожать. Все делалось тихо и мирно. Обычно в этих случаях привлекалась группа мнемотехников, задачей которых было воздействовать на память «клиента» таким образом, чтобы он убедился в бесперспективности своей концепции или разработки и отказался от нее в добровольном порядке. Почти всегда взамен ему подсовывали какую-нибудь альтернативную идею, совершенно безопасную с точки зрения Устава «Консультации», но способную принести ученому неплохие моральные и материальные дивиденды. Эта система срабатывала всегда, и с исключительной надежностью. Она использовалась Смотрителями и раньше, задолго до создания «Консультации», еще с конца 19 века, тогда же в прессу впервые начали просачиваться истории о неких демонических сущностях, которых много позже окрестили «людьми в черном», способными появляться внезапно и так же внезапно исчезать, и с которыми зачастую были связаны факты обнаружения НЛО и прочие паранормальные явления.

Разумеется, едва ли бы нашелся человек, способный устоять перед лавиной психотехнических эффектов, построенных на основе инопланетных технологий, однако даже на такой случай Устав «Консультации» предусматривал разные методы, вплоть до локального стирания памяти. Но мера эта была крайней и применялась за эти годы всего несколько раз. Так что в целом и речи не могло быть о каких-то серьезных последствиях для ничего не ведающей жертвы. И уж тем более о физическом устранении.

– А между тем, – снова вслух произнес Вольфрам, мысленно закончив зазубренный экскурс в историю, – все трое из нашего списка умерли. Один обнаружен мертвым в своей квартире. Двое других так же найдены в своих домах, некоторое время они находились в стабильно тяжелом состоянии, попытки привести их в чувства, ни к чему не привели. Оба, как и третий, скончались, не приходя в сознание.

Он вернул подшивку на стол и перешел к другим документам, полученным из разных источников: справки, протоколы, фотографии и т. п. Дальше настала очередь мнений экспертов «Консультации», в изобилии использующих профессиональные и сугубо специализированные термины. Но в эту минуту Вольфрам предпочел обойтись своими словами:

– Мы должны исходить из самых худших предположений. Возможно, ведется охота на ученых, работающих в перспективных направлениях. За последние несколько дней погибли три высококласных научных специалиста...

Вольфрам на мгновение замолчал. Ему показалось, что именно так, рассуждая вслух, мысли текут быстрее и легче, а испещренная канцелярским языком бумажная муть, из которой он должен был почерпнуть необходимую информацию, уже не кажется такой удушающе противной.

С удовлетворением хмыкнув, он продолжил:

– С одной стороны, все это вроде бы играет нам на руку. Потому что таким образом, вольно или невольно, решается проблема развития человеческой науки в нужном Смотрителям русле. Однако, с другой стороны, мы можем с полным основанием утверждать, что «Консультация» не причастна ни к одному из этих случаев. Никто, никакая группа или одиночный агент клиентами из этого списка не занимался. Они были под наблюдением. Всего лишь под наблюдением. К тому же для «Консультации» очень невыгодно действовать такими излишне жестокими методами, когда есть простые и надежные способы. Странно было так же, что все эти ученые относились к разным сферам науки: физик, биолог, химик. и никак не были меж собой связаны.

Вольфрам окинул взглядом стол и лежавшие на нем бумаги и фотографии.

– Возможно, это всего лишь верхушка айсберга. И на самом деле пострадавших значительно больше. Во всем этом вам предстоит разобраться, агент Вольфрам. Каков же будет ваш первый шаг?..

Он шелкнул каблуками, вытянулся по струнке и тут же расслабленно ссутулился.

– Не переигрывай, – сказал он и пожалел вдруг, что рядом нет собеседника. Разговаривать с самим собой – так недалеко и до шизофрении.

Вольфрам снова уселся за стол. Он второй, затем третий раз просмотрел информацию по каждому случаю. Все они были отсортированы по датам, но что-то подсказывало, что доверять такой подборке не стоит. И начинать нужно вовсе не с первого зарегистрированного «клиента».

«Но с кого?»

Интересно, что решил Анисимов? – подумал Вольфрам.

Следовало бы подключить интуицию, но она, к сожалению, глухо молчала.

Он почувствовал, что вновь готов скатиться в уныние, как вдруг заверещал коммуникатор. Из сообщения, пришедшего из Центра, следовало, что через час состоится сеанс телепортации. В подмогу им будет отправлен обещанный Яковлевым агент.

– Это, конечно, хорошо, – пробурчал Вольфрам. – Если не забудете доставить с ним ящик тушенки.

Аппетит и вправду разыгрался. Он опять было подумал о том, как несправедливо поступил с ним Анисимов, отправившись искать городские достопримечательности, но тут же одернул себя: все эти заявления, скорее всего, не более чем попытка воспитания. После этой мысли сразу стало легче. А вскоре он получил подтверждение своей догадке. На фоне абсолютной тишины из открытой двери донесся легкий сип открывающихся дверей лифта и голос контрольной системы, а раздавшиеся шаги, безусловно, принадлежали Анисимову.

Шеф вошел в комнату, в одной руке держа промасленный бумажный сверток, в другой – бутылку кефира с бумажными стаканчиками на горлышке.

– Ну как ты здесь?

Вольфрам взглянул на часы: шеф отсутствовал всего лишь час с небольшим. За это время вряд ли можно утешить туристическое любопытство.

Глядя на Вольфрама, Анисимов будто прочел его мысли.

– Ты думал, я вправду гулять собираюсь? – спросил он.

Вольфрам поспешил мотнуть головой.

– Ладно, не ври.

Анисимов так быстро водрузил сверток на стол, что Вольфрам едва успел убрать из-под него бумаги. В свертке оказались еще теплые фаршированные блины. Три штуки. Он вопросительно уставился на шефа.

– Пельменной я, к сожалению, не нашел, зато в двух кварталах отсюда есть замечательная блинная. И народу почти никого. Ты извини, я пока шел, один прихватил, не удержался. Так что тебе два полагается. Раз позавтракать нам с тобой не удалось, так хоть червячка заморим. К тому же, по здешнему времени, уже близится конец рабочего дня. К нам с тобой это, разумеется, не относится.

– Обещали внеплановую телепортацию через час, – доложил Вольфрам. – То есть, уже через полчаса. Кого-то пришлют.

Анисимов кивнул.

– Да, я тоже получил сообщение. Это вовремя. Третья голова нам не помешает.

Пока Вольфрам угощался, Анисимов полез в карман за платком. Вытер пальцы и, уже из внутреннего кармана достал свой коммуникатор и настроил на голографический режим проекции.

– Взгляни. Еще один наш клиент. Свежий. Еще даже не учтенный.

– Уже четвертый, получается?

Вольфрам взглянул на проекцию. Это была фотография висевшего на стене некролога, красиво выведенного вручную плакатными перьями. Николай Дмитриевич Кулагин, доцент, член-корреспондент Академии Наук. Под некрологом шрифтом поменьше было добавлено приглашение на панихиду по случаю похорон заслуженного ученого.

– Я пока сюда шел, запросил через базу его досье. Вот, посмотри.

Вольфрам сравнил два фото – на некрологе ученый выглядел гораздо моложе и симпатичнее, чем на снимках, сделанных когда-то другими агентами «Консультации».

– Здешний Академгородок, конечно, не сравнить с Новосибирским, – сказал Анисимов. – Однако, это не умаляет заслуг здешних ученых перед советским отечеством. И этот Кулагин – довольно известная персона в научных кругах. По нашим циркулярам он входил в группу «Б».

Хотя Вольфрам еще не успел изучить досье ученого, он непроизвольно поджал губы, как бы демонстрируя уважение. Группа «Б», это, конечно, еще не научная элита (группа «А», слежка за которой велась «Консультацией» в особом режиме), но очень близко к ней. Наблюдение за учеными вроде Кулагина носило периодический характер, обычно с перерывами в два-три месяца. А это значило, что в промежутке между этими плановыми акциями Кулагин находился вне поля зрения «Консультации».

– Следующий сеанс предполагался через неделю, – сказал Вольфрам, посмотрев отметку.

– Вот именно, – ответил Анисимов. – О его смерти я узнал сегодня, буквально перед отправкой.

Вольфрам снова посмотрел на часы и показал Анисимову: время!

– Что, уже пора? Ну, тогда пошли встречать гостя...

Они вышли в коридор и направились в телепортационный бокс. Вольфрам все гадал по дороге, кого к ним пришлют. Кажется, в третьей группе нескольких курсантов планировали оставить для работы «на подхвате». Среди них были юноши и девушки, и Вольфрам определенно предпочел бы получить в свою команду парня. Конечно, все агенты «Консультации» женского пола, в противовес своим гражданским товаркам, были как на подбор строги, дисциплинированы и сосредоточены исключительно на деле, – но все еще давала о себе знать история незадавшихся личных отношений. Не то, чтобы Георгий Волков жалел о своем решении не связывать себя семейными узами, и он, разумеется, не собирался всю жизнь вести монашеский образ жизни, но женщина в команде – это лишний повод для отвлеченных мыслей, вместо того, чтобы полностью отдаться работе.

Прислонившись к стене (сесть было не на что, а второй раз мучиться со сборкой мебели Вольфрам был не намерен), они ждали оставшиеся минуты до переброски. Наконец, замигал фонарь, и голос контрольной системы возвестил о прибытии. Когда шлюз распахнулся, Вольфрам шагнул вперед, чтобы поприветствовать первого члена своей команды. Он замер на пороге, и улыбка сползла с его лица.

– Ты как здесь...

– Прибыл по распоряжению командования! – раздался голос из здорового черного ящика, торчавшего посреди камеры телепорта, подобно незабвенному черному монолиту из романа Кларка. Создатели говорливого секретаря, видимо, желали проявить в этом злую иронию.

Вольфрам обернулся на Анисимова. Тот развел руками, давая понять, что он здесь не при чем.

– Рад приветствовать вас, агент Баргузин. И вас, агент Вольфрам! – провопил ГРОБ, да таким задорным и живым голосом, будто готов был броситься в объятия Волкова, обладай он конечностями.

В груди Вольфрама боролись противоречивые чувства, от смеха до слез одновременно.

– Ну, спасибо, Ивану Сергеевичу, ну спасибо, ну удружил!..

Он приблизился к роботу.

– Господи, да как тебя тащить-то? Хоть бы тебе и вправду колесики приделали!

– Вы меня нарочно пытаетесь обидеть, агент Вольфрам?

– И не думаю!

Кряхтя, он попробовал ящик на вес. Анисимов поспешил ему на помощь. Вдвоем они выволокли ГРОБа в коридор.

– Как же я рад оказаться с вами, друзья! – снова радостно откликнулся тот.

У него был голос по-настоящему счастливого человека. Вольфраму вдруг стало неловко: к чему сердиться, вместо того, чтобы относиться к роботу, словно к запертому в клетке живому существу? К тому же будет теперь в команде не лишний собеседник. Как Анисимов сказал: третья голова не помешает. Даже если она железная и прямоугольная. Ни больше, ни меньше.

– Ладно, поехали дальше, горе ты мое луковое!.. Сергей Иванович, давайте его на меня! Так! Так! Еще немного... Да не бойсь, ты, железяка, не уроним!..

Условия действительно выдались спартанские. Спать пришлось прямо на картонных листах, оставшихся от мебельных коробок. В принципе, Вольфрам мог найти где-нибудь комплект для сборки дивана, но ему было жаль тратить на это время. Тем более что Анисимов вообще ни словом не обмолвился о неудобствах. Казалось, шеф готов спать хоть на голом полу, и даже не верилось, что до того, как попасть в «Консультацию» этот человек когда-то работал в обычной школе учителем. Вольфрам по природе не был излишне любопытным, но не отказался бы от возможности узнать, какие испытания выпали на долю шефа. Впрочем, сначала нужно завоевать доверие, а там будет видно.

– Ну что, Георгий, еще раз обсудим твой план? – спросил Анисимов. Похоже, ему тоже не спалось.

– А что тут обсуждать. Первым делом нам понадобится своя машина. Хотя нет, с этим можно повременить. Завтра нужно попасть на похороны к Кулагину. Может быть, сходу удастся зацепиться за какой-нибудь след.

– Может быть, – услышал он в ответ немного рассеянный голос Анисимова.

– А что, вы считаете, не с этого нужно начинать? – Вольфрам приподнялся на локте.

– Нет, нет. Решать тебе. И дело «Мудрецов», разумеется, твое. Я лишь для подстраховки. Не больше и не меньше. Извини, если тебя смущают мои вопросы.

– Да нет, ничего, – снова улегся Вольфрам. – Я понимаю. Чересчур ответственное первое задание. Только вы, на случай чего, оставляете за собой право вмешаться в мои решения в любой момент, верно? Скажите сразу, я пойму.

Он почувствовал, что его вопрос застал Анисимова врасплох.

– Какой ты у нас проницательный, – проворчал тот. – Нет, я разубеждать тебя не стану, однако скажу, что ты не прав. В том, что я приставлен к тебе для контроля. Я даже не знаю, как именно убедить тебя... – он опять замялся, но не пожелал объясняться дальше.

– Мне продолжать? – спросил Вольфрам, не желая разводить бодягу с выяснением отношений.

– Да, конечно.

– Я тут думал, кем нам лучше представиться. Есть два варианта. Можно сказать, что мы заказчики из НИИ в Киеве, куда Кулагин ездил месяц назад в командировку – об этом есть информация в его досье. Он должен был доделать для них проект какой-то установки, но не успел. Второй вариант – выдать себя за сотрудников КГБ. Этот вариант мне больше по душе. Конечно, кого-то это напугает, но у кого-то, напротив, развяжет языки. Некоторые люди обожают откровенничать с представителями моей бывшей конторы.

– Кстати, в его досье, кажется, был какой-то намек на связь с КГБ, но точных данных нет.

Из своего угла неожиданно подал голос ГРОБ. Вольфрам подумал, что его не удивил бы при этом застенчивый кашель.

– Извините, коллеги. Могу ли я предложить третий вариант?

– Это какой же? – с неудовольствием повернулся Вольфрам. Он-то как раз готов был действовать по старой памяти. С поддельными удостоверениями комитетчиков, которые ни за что не отличишь от настоящих, им бы всюду открылись двери.

– Во-первых, люди из научной среды охотнее пойдут на контакт с человеком их круга. А вы, Сергей Иванович, бесспорно, сможете выдать себя за представителя администрации научного института. Из предоставленной мне информации, я знаю, что Кулагин учился в Киеве, и, значит, вы могли быть с ним знакомы лично. Это два.

– Ну, а я кем тогда представляюсь? Инженером или токарем? – встрял Вольфрам, не скрывая раздражения.

– Сопровождающим лицом, – невозмутимо ответил ГРОБ. – Представителем организации, которая контролировала секретные работы Кулагина. Пусть люди гадают о принадлежности к конкретному ведомству. Вы, агент Вольфрам, в разговоре можете и надавить психологически. Важно дать понять, что речь идет о работах особой важности. В этом случае разные характеры с большей охотой пойдут с вами на контакт. «Это и охота, и зверей убивать не нужно!» – закончил робот голосом дяди Федора из мультфильма «Трое из Простоквашино».

– Отличная идея, – похвалил Анисимов.

Вольфрам хмыкнул. Почему ему не пришла в голову такая простая мысль объединить два варианта? По типу: добрый следователь, плохой следователь. Это все прошлое «безопасника» стучится в спину. Здесь нельзя действовать в лоб. Конечно, было бы хорошо и сейчас привлечь к работе мнемотехников. Провести опрос свидетелей, затем стереть какие-то воспоминания или добавить нужные. Но так не делается. Во-первых, через процедуру придется пропустить слишком много людей, а на это не хватит ни сил, ни средств, да и технологически осуществить все это очень сложно. Во-вторых, мнемотехников вызывают только после того, как появится хоть какая-нибудь конкретика. Вот если бы Смотрители подарили землянам такие приборы, с помощью которых можно было стирать память на раз. Взял, к примеру, в руки что-то вроде фонарика или палочки (волшебной, разумеется), сверкнул, как фотовспышкой (сам, естественно, на глаза черные очки нацепил, чтобы не подставиться – смешно и глупо, наверное, со стороны!). Пшик! – и готово! – человек ничего не помнит. Как настроил прибор, столько

времени из памяти и вывалилось. Но это, к сожалению, пока еще фантастика. Нет таких приборов у «Консультации», а жаль! Но зато есть «либерализаторы» – тоже ничего штучка.

– А ты молодец, Гроб! – произнес он вслух.

Похвала двух людей вызвала у робота всплеск радости.

– Я думаю, что пребывание в этом теле должно многому научить меня. Это будет как метаморфоза для гусеницы, которая должна превратиться в бабочку! Вот увидите, когда у меня появятся ноги и руки...

– Ладно, ладно! – поспешил заткнуть его Вольфрам. – Будь добр, давай поговорим об этом в следующий раз!

Глава 5

«Старая оседлая земледельческая культура оазисов Афганистана с их скученным населением, с антисанитарными условиями, как фокус вбирает в себя все болезни мира и особенно нуждается во всевозможных лекарствах. Базары Герата, Мазар-и-Шерифа и особенно Кандагара останавливают внимание числом аптекарских лавок. В одном Кандагаре их не меньше сотни. Аптекарские лавки обычно в то же время лечебницы, а аптекаря – табибы – врачеватели. Вся индийская и арабская медицинская премудрость, вписанная в огромные фолианты, находится тут же на Кандагарском базаре, в аптекарском ряду. До сих пор можно видеть еще средневековых эскулапов с огромными рукописными книгами на арабском языке, чуть не в метр величиной, в которых вписаны рецепты от всех болезней. В хорошей лавке на полках стоят тысячи разных коробочек и разноцветных бутылочек с разными семенами, снадобьями. Можно пробыть целый день в лавке и не успеть просмотреть содержимого этих коробочек, балок и склянок. Все лекарства делятся на «горячительные», «возбуждающие» и «охладительные», т. е. жаропонижающие; большое число слабительных средств разной силы; различают лекарства для взрослых, для детей, для женщин. Медицина смешана с знахарством. Тут же можно достать снадобья для привлечения симпатии. Большие лавки состоят обыкновенно из двух отделений: в одном идет продажа лекарств, в другом врачевание, изготовление снадобий. Знания передаются из рода в род, по наследству».

Н.И. Вавилов. Д.Д. Букинич. Земледельческий Афганистан. Ленинград. 1929 г.

Май 1981 г... Афганистан, провинция Герат, афгано-иранская граница.

Когда Олег Ляшко говорил Нершину, что умеет читать чужие мысли, он почти не врал. Но если бы Нершин потребовал объяснений, Олегу пришлось бы отбрезиваться, а врать он не любил. Конечно, можно сказать, что он говорил об этом иносказательно. Он объяснил бы, что обладает, мол, даром, который можно отнести к категории феноменальных талантов: умению «читать» человеческие лица и сопоставлять малейшие изменения в мимике с реальными мыслями и намерениями. Раньше он даже самому себе объяснял свое умение именно так – уж слишком сложно было принять тот факт, что ты не такой как все.

Способность заглядывать в чужие мысли открылась у него еще в детстве, когда чуть не произошла беда. Олег с братом часто ходил в соседний дом, прозванный «генеральским», в подвале которого, как утверждала молва, когда-то расстреляли одного белогвардейского генерала. Возможно, того самого, звание которого прилепилось к дому еще до революции. Говорили, что в доме живет призрак генерала. Рассказывали про вход в катакомбы, где находятся несметные сокровища, награбленные беляками. Естественно, все это были враки, но мальчишки частенько ходили туда поугатать друг друга и самим поугаться – не в каждом ведь дворе имеется собственный призрак. Тянул этот дом к себе еще по одной причине – его строил прадед Олега, и сам же в нем жил некоторое время.

В тот роковой день, когда Олег обрел свой дар, он отправился в «генеральский» дом с приятелем, но того слишком быстро позвали домой родители. Олегу не хотелось идти домой. Была зима, гулять холодно. В подвале «генеральского» дома хоть и не слишком тепло, изо рта идет пар и руки немного стынут, но все же лучше, чем на улице. К тому же Олег взял с собой фонарь на батарейках. Конечно, ему было немного жутко, но отец всегда говорил, что никаких призраков не бывает. Бывает только то, что непонятно, и тогда нужно просто докопаться до решения тайны.

Фонарик у него был дешевенький, частенько подводил. И вот, бродя по лабиринтам подвала, рассматривая кладовки с выведенными на досках углем номерами, он случайно запнулся

и уронил фонарик. Тот, естественно, погас. Олег долго вертелся, пока пытался нашарить его руками. Наконец, нащупал и взял в руки, но фонарь не захотел включаться. Тогда Олег побрел вдоль стен туда, где, казалось ему, должен был быть выход. Но он шел слишком долго, а свет из подъезда так и не появлялся. Возможно, кто-то закрыл дверь. Или он шел не в ту сторону. Олег повернул обратно. Вскоре он увидел какой-то сумрачный отсвет и с радостью ускорил шаг. Он немного удивился тому, когда снова стало темно, а стена повела его дальше, но путь был знаком. Прямой, как он отлично помнил, коридор, кончавшийся тупиком, вдруг вильнул вправо, затем влево. А вдруг я попал в эти самые катакомбы, которые никто не мог найти? – подумал Олег с восторгом и страхом одновременно. Он вдруг услышал приглушенную музыку, какие-то голоса и понял, что наверху магазин. Значит, он все еще в доме. Стало не так страшно. Внезапно откуда-то подул ледяной сквозняк. Стало очень холодно. Олег пошел дальше, убеждая себя, что просто обнаружил какой-то неведомый ранее путь по подвалу и сейчас перейдет к лестнице черного хода. И тут под ногами его что-то затрещало, послышался хруст. Олег ухнул с высоты. И оказалось, что в воду. Он закричал. В ужасе забултыхал руками, желая всплыть, и чувствовал, как пальцы его хватаются за острые льдышки, еще недавно представляющие собой тонкий слой льда, настуженный ледяным сквозняком и прикрывающий собой какую-то глубокую яму с водой. Внезапно вспыхнул свет. Олег пытался схватиться за край пятна (так виделась ему дыра во льду), но погружался все глубже и глубже... Он не помнил, кто именно и как его спас – как будто сама память отказывалась возвращаться к этому моменту. Но сверкающий искрами от плавающих обломков льда круг света, в который он жаждал попасть, отчетливо запомнил на всю жизнь. Из того случая он помнил только, что очнулся у черного хода, снаружи, у входа в подвал. Насквозь мокрый от снега, который набился даже в ботинки, под штаны и фуфайку – как будто он пытался искупнуться в сугробе. В таком виде он отправился домой, зная, что ждет его порка. Родители так и не добились от него никаких объяснений, в ту же ночь им пришлось вызывать «скорую» – температура подскочила под сорок, и несколько дней Олег провел в полузабытии. Тогда все решили, что он ходил на реку кататься на санках и провалился. Он не стал их разубеждать.

После того случая и пробудился в нем непонятный дар, который проявлялся, впрочем, не постоянно, а только в минуты сильного волнения и напряжения. Да и потом – чтобы воспользоваться этим талантом, Олегу всегда необходимо было смотреть в лицо собеседника. Но не каждому человеку это понравится, особенно недругу, а экспериментировать Олег не любил. Поэтому он предпочитал давить возникающие в голове вспышки, пугавшие его острыми неприятными ощущениями в мозгу. А после того, как его сводили к психиатру (на это время вспышки отчего-то прекратились сами с собой), он зарекся жаловаться и делиться переживаниями со взрослыми. И со старшего брата Тольки взял обещание, что тот будет нем, как рыба.

Чем взрослее Олег становился, тем более резкими болевыми ощущениями досаждали приступы. Он научился с ними бороться и не выставлять напоказ, но полностью избавиться не мог, да и не хотел на самом деле. Ведь от них в его голове образовывался некий фон, как будто проникающий откуда-то снаружи и дающий подсказки в виде образов и мысленных форм, порой абстрактных, но при желании поддающихся расшифровке, – в этих случаях подсказки нередко приносили какую-то практическую пользу: получить отличную оценку, избежать драки, где тебе могут расквасить нос и т. п.

Но когда Олег попал в армию, чтобы честно исполнить свой гражданский долг (а иного в семье Ляшко и быть не могло), он вдруг понял, что этот дар либо убьет его, либо...

Впрочем, на тот момент, когда служба только началась, это был единственный ожидаемый вариант. В сменившейся обстановке, когда от Олега, как от всех молодых солдат, только и делали, что требовали-требовали-требовали и не позволяли расслабляться, дар обострился настолько, что болевые вспышки мучили его по несколько раз на день. Как ни пытался Олег

противиться их появлению, становилось только хуже. К тому же дар изменил свою сущность. Олег впервые столкнулся с тем, что в голову лезут не просто подсказки о чужих мыслях и намерениях (это еще куда бы ни шло – с ними проще выжить), но в дополнение к ним возникают какие-то навязчивые идеи, буквально подталкивающие его к совершению тех или иных поступков. И не следовать им, по ощущениям было равносильно тому, как если бы он снова окунулся с головой в ледяную черную воду, как это однажды случилось в детстве.

Вот он и следовал этим навязчивым идеям, которые выглядели примерно так: «попади тому-то на глаза, этому...», «давай засветись-ка в Красном уголке с пламенной речью» и так далее. Как позже осознал, все его шаги свелись в итоге к одному – из «учебки» напрямик попасть в Афганистан. В итоге кончилось тем, что он почти сразу угодил в плен. Вот тут Олег запаниковал, особенно, когда вспышки неожиданно прекратились. Как будто посмеялась судьба, намеренно затащив его в Афган, да еще втянув в историю с плохим финалом. Но это оказался еще не конец. Сменив за эти месяцы несколько лагерей моджахедов, Олег Ляшко оказался на раскопках, рядом с капитаном Нершиным и старым, немного похожим на черта господином, иностранцем, но отлично говорившим по-русски. И только тогда понял – именно сюда он должен был попасть!..

После того, как Олег очутился в лагере Абдулхамида, всплески активности дара возобновились. Собственно, благодаря им, он завоевал славу непобедимого игрока в «шеш-беш». Когда в лагерь заехал тот таджик, отлично калякавший по-русски, и подбивал пленных солдат обратиться в ислам, в голове у Ляшко защелкало с такой силой, что он едва не потерял сознание. На любую религию ему было наплевать, и вовсе не идейным перебежчиком он собирался стать, как ошибочно посчитал Нершин. Просто очередная навязчивая идея.

А дальше случилось нечто страшное, чего Олег никак не ожидал.

В тот вечер, после разговора с Нершиным, в лагере снова появился тот таджик. Он приехал конкретно за ним, и Олег послушно сел в кузов пикапа, тесно набитого боевиками, провонявшими насквозь потом и порохом. Они ехали долго: половину ночи, пока не прибыли в какой-то кишлак. Из дальнейшего Олег резко и отчетливо запомнил только одну картину: вот он входит в какое-то помещение с тусклой лампочкой на потолке. Похоже, это аптекарская лавка, да еще с каким-то экзотическим уклоном. Он будто попал в обиталище какого-нибудь злого магрибского колдуна, изготавливающего тысячи запретных снадобий и зельев, магических порошков и быстродействующих ядов. Обе стены, мимо которых его ведут, полны всевозможных химических сосудов и обычных банок с загадочным содержимым, на полках, разделенных на мелкие ячейки, взгляд его выхватывает то залежи привычных на вид пилюль и трав, то и вовсе экзотические вещи, вроде каких-то засушенных букашек и прочей животной нечисти. Даже весь потолок занят крючками, с которых свисают паутины всяких шуток, смысл которых Олегу не дано разгадать.

Вот еще комната. И здесь сопроводители вдруг хватают его сзади, выворачивают руки. Откуда-то появляется человек со шприцем и что-то впрыскивает ему в плечо.

Олег даже не пытался сопротивляться: держали его крепко, да к тому же не позволил очередной приступ, ударивший в мозг и заставивший уступить насилию. А затем все стало смутно и малопонятно. Вполне вероятно, он вообще не должен был ничего запомнить, но те, кто решил подвергнуть его пытке, возможно, не подозревали, какая в нем заложена сила.

По мере того, как действовало вещество, должно быть, какой-нибудь наркотик, тело Олега буквально наливалось тяжестью, отказываясь повиноваться. Даже глаза не двигались, мертво уставившись в щербатый, обмазанный глиной потолок. Но в мозгу буревала стихия – зарядившие молниями вспышки слились в одну сплошную. И внезапно, сквозь шок, боль и тяжесть, его дар пробился с такой мощью, какой Олег еще не испытывал. Он вдруг понял, что может, пусть расплывчато, неясно, как сквозь замыленное стекло, но видеть все, что находится вокруг, а не один только потолок перед застывшими в одном положении глазами.

Он был в комнате, весьма отдаленно походившей на больничную палату: узкое окошко, за которым ночь, ряд убогих ржавых кроватей с тростниковыми матрацами, на одной из которых он лежал. Его внимание заняли две стоявшие поодаль фигуры. Одна, что была к нему ближе, оказалась тем таджиком, который привез его сюда. Вторая фигура воспринималась сознанием очень смутно: была искажена то ли расстоянием, то ли позой сгорбившегося собеседника.

Второй человек, фигура которого отчего-то по-прежнему казалась смутной (даже лица не разобрать), подошел к нему и, взявшись за подбородок, повернул его голову вправо-влево, как будто желая убедиться, что вне зависимости от положения лица, глаза пленника смотрят исключительно вверх. Олег «видел», что в этот момент таджик (а, скорее всего, никакой не таджик, а агент иностранной разведки) куда-то вышел и тут же вернулся со странным предметом в руках.

Страх уже немного отступил, и Олегу было просто интересно, что за этим последует. «Смутный человек» подложил ему под шею валик и запрокинул голову так, что теперь не только глаза Олега (его физический взгляд) уставились вверх, но и подбородок уткнулся в ту же точку. Подошел «таджик» и водрузил странный предмет на ножках, прямо над головой Олега. Предмет оказался воронкой, немного сложной конструкции и с приспособлением, которое «смутный» вставил Олегу в рот, не позволяя челюстям сомкнуться. В руках «таджика» возникла бутылочка с черной жидкостью, которую тот влил в воронку. Он тут же водрузил на прикроватную тумбочку часы с большим циферблатом. Повернул на воронке какой-то рычажок. И первая капля упала Олегу в рот и стекла по нёбу, заставив мышцы гортани рефлекторно сглотнуть.

Нервные окончания среагировали на обжигающее прикосновение капли, а в следующее мгновение Олегу показалось, что его мозг закипел изнутри. Он заорал, задергался, но на самом деле это ему лишь казалось – обмякшее тело никак не отреагировало на чудовищный взрыв боли, которая проникала исключительно в его сознание, вся, целиком.

Едва боль начала утихать, как в рот упала следующая капля черного вещества, превращающего мозг в кипящий котел. И так – снова и снова. Иногда Олегу казалось, что жар сменяется таким же по силе холодом, как будто через голову пропускают кипящий жидкий газ, от этого ему чудилось, что он захлебывается в ледяной черной воде, проглатывая вместе с нею острые кусочки льда. Потолок над головой съехал до маленького светлого кружка, каким когда-то ему казалось отверстие ямы с водой, в которую он провалился ребенком. Позабытый кошмар вновь напомнил о себе.

С каждой падающей в рот черной каплей в голове Олега Ляшко то вспыхивали огненные струи, намереваясь выжечь все, что хранилось в его памяти, то их сменяли потоки льда, желая сокрушить и сломать то, что не выплавил огонь, и все это вместе, огонь и холод, должно было превратить его мозг в зияющую пустоту, которую эти люди собирались заполнить чем-то другим. Возникло желание забыться, ни о чем не думать, и утонуть в этой боли. Тогда, наверное, чудовищное издевательство над его сознанием прекратится. Но значит и он, оставшись хотя бы на миг без мыслей, вероятно, перестанет существовать.

Собравши все силы, Олег старался думать о чем угодно, лишь бы не поддаться слабости. Преодолевая боль, он думал о том, что если в бутылочке примерно стакан черной жидкости, а в каждом миллилитре хотя бы двадцать капель, то, значит, его пытка продлится ровно пять тысяч обжигающе-ледяных ударов. Всего пять тысяч, из которых десять или двадцать (это только начало) уже позади. Он перевел количество в минуты. Затем в часы. Ужаснулся, осознавая, насколько это много, однако и сейчас не стал впадать в панику. Сосредоточился на том, чтобы подтолкнуть как будто застывшие на своих местах стрелки часов. Казалось, время побежало быстрее. И капли падали все чаще. От этого, как ни странно, стало легче, потому что прерывистая огненная и ледяная резь постепенно становилась ровным болевым фоном, к которому он начал постепенно привыкать. Олег теперь мог настроиться на то, чтобы вспомнить

все события, приведшие его в эту комнату. Не ошибся ли он, и действительно ли с неизбежностью он должен был оказаться здесь? И пришел к выводу, что все верно. То, что происходит сейчас – отнюдь не случайность. Но что именно вело его сюда, какая-то сила, избравшая его для своей цели, или чей-то разум, вмешавшийся в его судьбу, Олег сказать не мог. Он сосредоточился на поиске решения, и потерял счет каплям, уже не обращая внимания на то, что чувствовала его плоть. Он стал выше боли, сильнее этих жгучих и ледяных прикосновений, которые уже не могли нанести ему вред. И когда пытка внезапно кончилась, он даже не понял, в какой момент это произошло.

Он заметил, что уже яркий день. Пережитый кошмар постепенно отступал, сглаживался и воспринимался досадным недоразумением, теперь уже не столь важным событием. Видимо, Олег до того устал, что на какой-то момент отключился, погрузившись в сон. Однако чутко среагировал, когда в комнату вошли люди.

Он услышал их голоса – речь была чужой, незнакомой. Но ничего не понимал Олег только поначалу. Постепенно он овладел лезущими в его голову образами, и голоса обрели прозрачность и простоту, как если бы говорили на его родном языке.

Его поразило, с какой неслыханной до этого момента легкостью он заглянул в чужие мысли. Оно и сейчас нисколько не походило на их чтение, как это обычно воспринимают люди, наслушавшиеся рассказов о телепатах и телепатии. В голове его все так же всплывали скорее образы, нежели слова, но разбираться в них стало несравненно проще. Если что и сумели разрушить лед и пламя, как элементы воздействия психотропного вещества, им только лишь удалось поломать находившийся в его сознании барьер, без которого дар Ляшко обрел, наконец, полную силу.

Говорили о нем. И о том, что собираются с ним сделать. И еще – о легионах карателей, ожидающих своего часа. Олег в ужасе вспомнил, как перед отправкой в Афган им рассказывали о бесчеловечных опытах по обращению людей в послушных чужой воле террористов: сначала превращают человека в зомби, затем начинают взрывчаткой и отправляют взрывать жилые кварталы, автобусы, поезда. То же теперь случится с ним. И взрывать он будет своих.

И вот это – то, к чему он стремился?

Первым к нему подошел «таджик» и похлопал по щекам, затряс плечи. Олег прикоснулся к его сознанию и понял, что от него на самом деле не ждут никакого отклика. Он должен выглядеть как растение, хотя бы первое время. Следом приблизился смутный. Цепляясь за его мысли и выискивая в них какие-то сведения, Ляшко старался соответствовать той ложной картине, которую представлял себе его враг.

– Прикажи ему встать на пол.

«Таджик» повиновался. Он произнес приказ по-русски, немного ломанными словами.

Внезапно Олег почувствовал, что ему хочется подчиниться. Его мышцы, только что скованные немощью, будто только и ждали этого приказа. Но какое-то внутреннее чутье подсказывало, что он не должен этого делать. Ему легко удалось сломать позыв к беспрекословному исполнению. Наверное, другой на его месте проделал бы все, как приказали. Этого и ждали оба. И были удивлены.

Смутный» взял Олега за руку. Вдруг стало чертовски больно, однако он ничем этого не выдал. Касаясь мыслей «смутного», понял, что ему вонзают иглы под ногти.

Помощник «смутного» заглянул в глаза Ляшко.

– Зрачки реагируют, – сказал он. – Едва заметно, но сужаются.

– Странно, – ответил тот. – Он совершенно не должен чувствовать боли. И его мышечная реакция мне совершенно не нравится.

«Смутный» проделал над ним какие-то манипуляции, проверяя рефлекс тела. Казалось, он впал в удрученное состояние. Олегу снова вонзили иглы, уже в другую руку.

Оба взяли его за руки и насильно усадили. Таджик придерживал плечи и голову.

– Ничего не понимаю. По всем признакам, у него должна быть нулевая реакция на боль. По крайней мере, первые сорок восемь часов.

«А вот хрен тебе!» – подумал Олег, совершенно не удивляясь тому, что теперь отлично понимает чужую речь.

Задумавшись, «смутный» проделал свои манипуляции еще раз. Убедившись, что все не так, как он рассчитывал, сделал Олегу какой-то укол.

– Ладно, как очнется, отвезите его обратно к Абдулхамиду. Передайте своим людям, чтобы понаблюдали за ним.

– Что-то не так?

– Возможно, следует пересмотреть формулу состава, – с сожалением ответил «смутный».

После их ухода Олега начало «отпускать». Он сел на кровати. Этого будто ждал «таджик».

– Ты был болен, мы поставили тебе прививку, – сказал он, войдя в комнату. Лживые глаза его беспокойно двигались. Было в них еще что-то смешанное – страх и непонимание.

Через десять минут Олег оказался на воле, если так можно было назвать его поездку в том же самом пикапе, битком набитом душманами. Но все же он видел яркое солнце, лучи которого приятно грели плечи и поджатые к груди колени. Он чувствовал ласкающее дуновение ветерка. Воспринимал цвета, запахи и звуки. Но продолжал вести себя подобно растению, не желая показывать, что в реальности полон сил. Уставившись в одну точку (кому-то в спину) он слушал никчемные разговоры боевиков, прикасался к их жиденьким, вялым и совершенно не интересным мыслям, какие всегда присущи людям темным и ограниченным. Они потекли немного живее, когда душманы вдруг заговорили о золоте, о найденных сокровищах, которые сегодня отрыл Абдулхамид, о выставленных к нему требованиях единоверцев муджахидов, и о вероятных последствиях, которые могут по этой причине произойти.

Олег же думал о другой вероятности, которая не замедлила вскоре произойти – в какой-то момент у пикапа лопнуло колесо и душманы здорово перетрусили, когда машина чуть не улетела с дороги, но ударилась о большой камень и, немного накренившись над обрывом, заглохла. В кузове остался только один человек – Олег Ляшко, которому тоже ничего не стоило выпрыгнуть вместе с остальными. Но он будто наперед знал, что никуда машина не нырнет, и нечего даже по этому поводу суетиться. Пока душманы оттаскивали машину, меняли колесо и рассаживались обратно, Олег понял, что часть этих людей подумывают о том, чтобы переметнуться к другому главарю, а приключившийся только что досадный инцидент принимают за знак судьбы.

«Да что вы знаете о знаках свыше?» – усмехнулся он про себя.

Он оставил их совершенно никчемные мысли и начал думать о своем возвращении в лагерь, где ведутся раскопки, и, пожалуй, впервые задался вопросом об их странности и о своей роли в этом деле. Что-то там находится внутри подземелья, что-то очень важное, до чего так жаждет докопаться старик Грановский, а с ним Нершин и Абдулхамид. Да и он – безусловно! Как будто спрятанная там, в глубокой пещере, тайна манила его к себе с самого детства...

Эти воспоминания промелькнули в голове Ляшко, пока он лежал в палатке Нершина, делая вид что спит, прекрасно воспринимая все, что происходит вокруг. Он уже понял, что Нершин ни под каким предлогом не откажется от участия в раскопках. Грановский – так тот вообще ведет себя как фанатик. Абдулхамид, как он понял вчера из короткого наблюдения за командиром боевиков, и сам толком не понимает, зачем ему все это нужно, но дальше оправдания своей жажды золота в рассуждениях не заходит.

В том, что он чем-то «меченый», Олег давно подозревал. И убедился окончательно, когда вернулся в лагерь преобразившимся. Теперь он четко осознавал, почему ему при мыслях о подземелье становится по-настоящему жутко. Пригрезившийся ему коридор, уходящий в ад

черноту, таил в себе не эфемерную тайну, а что-то вполне реально существующее, грозное и опасное. Но еще страшнее Олегу становилось от понимания того, что и сам он не готов отказаться от возможности докопаться до тайны, даже если на его пути встанут невиданные преграды.

Глава 6

(«Секретно»)

Пятое Управление КГБ СССР.

05.05.1981 г.

(исходящие – в ЦК КПСС)

«...В ответ на постановление ЦК КПСС от 04.05.81 о слухах т. н. «афганского» характера, сообщаем следующее. В настоящий момент наши сотрудники в означенных городах приступили к работе над выяснением источников провокации. Устанавливается круг подозреваемых лиц. Обязуемся регулярно сообщать о ходе следствия...».

(«Секретно»)

Пятое Управление КГБ СССР.

Отдел по борьбе с идеологическими диверсиями.

Выдержки из протоколов, проведенных экспертом по делу № 257-05-81(ЦК).

«– Почему вы связываете смерть Начесова с его поездкой в Афганистан?

– Потому что Начесов вернулся оттуда месяц назад и, как мне показалось, совсем другим человеком.

– Что вы подразумеваете под словом «другой»?

– Ну, он какой-то другой стал, я иначе не знаю, как объяснить.

– Вы упорно указываете на таинственность и загадочность его смерти. Почему?

– Посудите сами. Его соседка постоянно слышала какие-то разговоры, шуршание, разные другие звуки, но когда заходила к Начесову, он всегда оказывался один. А она женщина серьезная, врать не будет, – я ее словам доверяю. Перед его смертью она видела, как Начесов пытался соорудить какую-то конструкцию и что-то чертил все время на бумаге.

– Где эта конструкция, где бумаги?

– Не знаю, наверное, их Начесов спалил в печке, чтобы никто больше не увидел, чем он занимается. Это я вам как коллега безопасник безопаснику говорю – кто-то обработал его там, в Афганистане, на испытаниях. Не надо было его туда пускать. Он всегда идейно слабым был. Что, у нас на оружейном, других мастеров нет что ли?..»

08.05.1981 г. Из допроса свидетеля А.К.Куржакова.

Следственная группа № 11. Ижевск.

«– Расскажите о том, что конкретно вы увидели в квартире Ищенко?

– Крови много. Мне дурно стало. Мой водитель вызвал милицию. Позже сказали, он покончил с собой. Это верно?

– Да.

– Понятно. Будут еще вопросы? Я, знаете ли, тороплюсь на совещание.

– Простите, но я действительно должен...

– Понятно! Давайте по-быстрому! Пять минут!

– Вы не замечали, может, Ищенко нездоровилось в последнее время, или он был болен и нуждался в помощи?

– Как же. Бог шельму метит. Он если и болен был, то болезнь эта была психического характера. Он же пил не переставая. Как с цепи сорвался. Его, дурака, назначили ответственным по связям с Народно-демократической партией Афганистана, а он на это дело большой прибор положил, всю работу нам завалил, теперь разгребай...»

11.05.1981 г. Из допроса свидетеля (вместо фамилии – прочерк).

Следственная группа № 2. Москва.

– Если я произнесу: Афганистан. Какие-нибудь у вас возникнут ассоциации, кроме того, что сейчас там исполняют свой долг наши воины-интернационалисты?

– Афганистан? Ну, ведь Воронков вроде бы там, строил то ли завод, то ли электростанцию.

– А о каких-нибудь животных он говорил? Может быть, он привозил оттуда каких-нибудь зверьков? Или о них разговоры заводил?

– Нет, такого не скажу. Он только будто что-то слышал постоянно вокруг, чего другие не слышали. Это было.

– Как это?

– Ну вот, озирался постоянно. И кидался в последнее время на всех.

– За кем-нибудь из его соседей, знакомых, с кем он постоянно контактировал, что-нибудь подобное наблюдалось?

– Нет. Хотя... Сосед Воронкова... Но у того белая горячка по обыкновению. Вот тот что-то про крыс каких-то говорил.

– А где он сейчас, сосед, о котором вы говорите?

– А вы знаете – умер. Неделю назад. Да. Аккурат на третий день после смерти Воронкова.

16.05.1981 г. Из допроса свидетеля Н.С.Дугова.

Следственная группа № 4. Горький.

«– То есть у него, как вы выражаетесь, перед самой смертью «шифер сорвало»?

– А то! Человек боится в тоннель спускаться! А для метростроевца это кирдык. Это как летчик, которому летать страшно.

– И чем он это оправдывал?

– Каких-то афганских пчел упоминал, что, мол, вылететь могут из темноты быстрее пули, а если так, то он в собаку превратится! Ну не бред? Вообще-то, жалко его. Хороший мужик был, не пьющий, что странно. А как башню снесло, начал какую-то хрень лепить. Про ракеты, подземные установки, даже оборонщикам рацпредложение собирался направить. А какое рацпредложение, у него же три класса образования, да банный коридор. Мы хотели его в отпуск отправить, да не успели. У него, кстати, сын в Афганистане ранен был, а здесь в госпитале помер. Может, на этом фоне у старика и повредились психика...»

20.05.1981 г. Из допроса свидетеля А.А.Хугаева.

Следственная группа № 9. Новосибирск.

1 июня 1981 г. Сибирск.

Однокомнатная квартира, в которой жил Кулагин, создавала гнетущее впечатление. Сразу видно – холостяцкая берлога помешавшегося на науке человека: весь пол, шкафы, стулья и половина кровати были загромождены стопками книг, преимущественно справочной литературой, рулонами ватмана и баррикадами чертежных досок. Одна из таких досок, поставленная на два табурета посреди комнаты, служившей ученому одновременно кухней, была превращена в шаткий стол: на ней красовалась груда немытых тарелок, вперемешку с черствыми хлебными корками, скукожившейся колбасной кожурой и почерневшими от заварки стаканами и кружками, меж которыми прятались упитанные на вид тараканы. Никогда еще Вольфрам не наблюдал подобного зрелища. Слышал и читал о сумасшедших ученых, совершенно забывающих об элементарной гигиене, но воочию видел впервые.

Когда агенты познакомились на кладбище с родственниками покойного и, в частности, его родной сестрой, они узнали, что квартира опечатана, а родственникам запрещено соваться

туда до конца расследования. Это только подзадорило Вольфрама, который настаивал на том, чтобы проникнуть в квартиру ученого, не откладывая в долгий ящик. Заодно прихватили сестру Кулагина, что бы ею же, в случае чего прикрыться: мол, сама пригласила покупателей так внезапно освободившегося жилища.

Он не ошибся – судя по пыли, все вещи покойного лежали в прежнем порядке, дожидаясь, когда ими кто-нибудь займется. Пусть не те, кто опечатывал квартиру, но кто-то же должен был быть первым.

Пока Вольфрам с Анисимовым осматривались, сестра покойного, похожая на рыночную торговку бойкая тетка сосредоточенно обводила взглядом засаленные стены, потолок, наверняка обсчитывая стоимость ремонта и сопоставляя его с возможной стоимостью самой квартиры. Подобревший взгляд ее свидетельствовал о том, что дебет с кредитом по совокупности давали значительный плюс.

– Если бы я знала, до чего он бабину хату доведет, подселила бы к нему кого-нибудь, чтобы следили за порядком. Ну, куда это годится, а? – посетовала она. – Я мамке сколько раз талдычила, надо было Кольку насильно женить в свое время! Уж при жене-то, наверное, приличным бы человеком жил.

– Не, Колька бы никогда не поддался жениться! – Анисимов качнул головой. До сих пор шеф очень натурально изображал бывшего собрата Кулагина по альма-матер. – Уж он такой был!

Но добродушие тетки, после того как она попыталась убить пыльной книжкой попавшего ей на глаза рыжего усача и только раскокала стакан, вновь сменилось недоверчивостью:

– Так вы с ним, значит, в институте вместе учились? – она напряженно посмотрела на Анисимова.

Этот вопрос тетка задавала уже пятый раз.

Настроенный на ее психоэмоциональный фон «либерализатор» в кармане Вольфрама тихонько завибрировал. Он нащупал регулятор и осторожно добавил уровень.

– А Николай-то наш, какой молодец был! Такую светлую голову потеряли!.. – на глаза ее накатили слезы, она вытерла их платочком. – Как жаль, что он вас не дождался! Вот бы он обрадовался старому другу. Добрый он был. Да что я говорю, вы же сами знаете...

Она будто таявшая Снегурочка, и казалось, что двое невесть откуда свалившихся гостя – самые желанные люди на земле.

– А вы когда последний раз у него были? – спросил Вольфрам.

– Да с неделю назад, наверное, заглядывала. Только он меня даже за порог не пустил. Дерганный какой-то был и уставший. – Она вновь заплакала.

«Как бы не переборщить», – подумал Вольфрам, продолжая держать пальцы на регуляторе, но мощность убавлять пока не стал.

– Так, говорите, он практически ни с кем не общался?

Тетка кивнула.

Сквозь завалы Вольфрам добрался, наконец, до окна. Его внимание привлекла тарелка, стоявшая на полу за стопкой книг, рядом с которой почему-то оставался не занятым приличный участок пола. Возле тарелки лежала сложенная квадратом в несколько частей грязная штора. Вторая такая же штора висела на крючках, закрывая только половину окна. Вольфрам наклонился, рассматривая содержимое тарелки. Похоже, что это когда-то было молоко, скисшее и превратившееся в простоквашу.

Он дал знак шефу. Анисимов, балансируя руками и осторожно перешагивая, чтобы не расстелиться на стопках книг и рулонах бумаги, приблизился к нему.

– Он держал собаку? – повернулся Вольфрам к тетке. – Или кошку?

– Что вы? – удивилась та. – Николай никогда не держал животных. За ними ухаживать нужно, а у него времени не было.

– Да, в самом деле. Логично, – сказал Анисимов.

– Не пожалел места для собаки, – шепнул Вольфрам. – Если это была собака.

– Кстати, совсем не подходящее место для животного, не находишь? – шеф показал на форточку. – Сквозняк и всякое такое.

Вольфрам кивнул и с сожалением посмотрел на тарелку. С сожалением – потому что ему хотелось, чтобы Кулагин хоть в чем-то показал себя человеком, а не бездушным ученым, не машиной для изобретений. Зверушка, которую тот приютил в порыве жалости (не просто же так он поставил эту тарелку), наверняка сдохла, не в силах выдержать образ жизни чокнутого доцента.

– Но в день его смерти животных в доме не было?

– Не было.

В глазах тетки снова слегка вспыхнуло недоверие: кем больше интересуются – ее братом, или какими-то собаками-кошками.

– Дай мне «либерализатор», – тихонько сказал Анисимов. – Я с ней поговорю, а ты пока засними все, что нужно.

Волков передал шефу прибор. Анисимов с теткой отправились на кухню, а он, нацепив на голову резиновое кольцо с прикрепленной миниатюрной камерой, стоя возле подоконника, обвел комнату взглядом. Из этого ракурса она казалась еще теснее, а завалы – выше. Он приступил к изучению квартиры Кулагина. Старался снимать все подряд: названия книг в стопках, уже осмотренные вещи, включая эту тарелку возле шторы в виде коврика. Добрался до первых залежей тетрадей и папок. Это оказались черновики каких-то записей и чертежей, сделанные ручкой. Среди прочих бумаг он обратил внимание на листы, испещренные каракулями, словно Кулагин окончательно сошел с ума и в какой-то момент даже сам не понимал, что пишет, но потом словно спохватывался и начинал писать по-человечески – у покойного был вполне разборчивый почерк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.